

А. П. КОТЛОВА А. Д. АПОС

84(2-632-1)
А 285

СТИХИ

8/14

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

84(2=632.1)6-5
A-285

АРЖАН АДАРОВ

СТИХИ

АВТОРИЗОВАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ
Б. АЛТАЙСКОГО

ВАРНАУЛ • 1972 •

Горно-Алтайская
областная
библиотека.

189333-0V
02333681

F 2
A 28

Высоко в горах Джайлау среди снежных вершин пробилла себе путь бурливая, своенравная речка Каярлык. И село, расположившееся в ее небольшой долине, одно из самых отдаленных сел Горного Алтая, люди назвали так же — Каярлык. Здесь в чабанской семье провел свое детство и юность поэт Аржан Оничинович Адаров.

Аржану было 9 лет, когда в феврале сорок второго, вместе с другими мужчинами Каярлыка, ушел на фронт его отец. И не вернулся — погиб в боях за Родину.

В трудное время растила солдатская вдова своих детей. Их было семеро, и все они были еще малы.

Не раз вспомнит потом поэт, как стойко несла эта простая женщина все тяготы военного времени, как умела, заглушив свое горе, быть с детьми всегда ласковой, щедрой на веселое слово или сказку. И как долгие годы все не могла поверить до конца, что никогда больше отец не войдет в родной дом. По ночам

все казалось ей — кто-то стоит у дверей,
сапоги обметает, вот-вот постучит.

Мама лампу засветит и в сени спешит...

Именно мама первая дала почувствовать будущему поэту глубинную прелесть народной песни, родного слова. Даже в самые тяжкие времена не оставляла она ойын — так называется по-алтайски народный хоровод, — где была запевалой. Пела она всегда — в тоске и в радости, дома и на работе.

Работала Тохна Адарова в колхозе — пасла овец, и маленький Аржан помогал ей.

В горах Джайлау колыбель моя,
Поближе к тучам, что плывут высоко, —

скажет впоследствии поэт и припомнит, как мальчишкой с отарой овец преодолевал он за перевалом перевал, брал на руки уставших, замерзших ягнят, отогревал их своим дыханием, как дневал и почевал вблизи белых холодных вершин, сколько грустных и хороших дум передумал тогда.

Джайлау — колыбель поэта и в прямом и в переносном смысле.

Здесь он родился, вырос и заработал «чабанский трудный первый» свой диплом.

Здесь одаренный мальчик сумел расслышать, как в потрясенных громовыми раскатами недрах гор, будто от мощного хохота, «древний трясется базальт»; и почувствовал «дрожь летящей струи водопада»; а облака, что неустанно мчатся и мчатся над Каярлыком, уже тогда представлялись ему табунами стремительных «алтайских гривастых коней».

Здесь научился он понимать спокойное достоинство трудовых людей — героев его будущих стихотворений. Храбрые мужчины гор, нежные и мужественные женщины-алтайки вошли потом хозяевами на страницы его книг.

Здесь подросток Аржан в рассказах старших узнавал духовную историю своего народа. А старшие, удивляясь миру и еще больше самим себе, любили вспоминать, как в глухие, забытые, казалось, и небом и людьми селения горцев пришла новая жизнь. Как в жестоких схватках ломалось старое и побеждало новое. Как людей, испокон веков приученных «жить на коленях»,

Поднял на ноги
и повел за собой
Человек по имени
Ленин.

В горах Джайлау, в родном Каярлыке, впервые испытал Адаров и очарование речитативных песен народных сказителей. Мальчик Аржан был постоянным слушателем сказителя ИONOка, который пел героические сказания об алтайских богатырях, аккомпанируя сам себе на самодельном топшуре.

Учился Аржан Адаров в областной Национальной школе. В те годы он зачитывался великими русскими поэтами и писал свои первые, пока еще очень подражательные, стихи. Окончив школу, Аржан Оинчинович работал в колхозе — семье было трудно еще обходиться без его помощи. А в 1952 году вместе со своими земляками — тоже будущими поэтами — Лазарем Кокышевым и Эркеменом Палкиным поехал в Москву, в Литературный институт имени Горького.

Успешно окончив институт, Аржан Оинчинович вернулся в свой горный край. Был корреспондентом областной газеты «Алтайдын Чолмоны» — той самой, в которой печатались его первые стихи.

В 1958 году Аржана Адарова приняли в члены Союза писателей СССР. К этому времени журнал «Сибирские огни», альманах «Алтай», краевые и центральные газеты опубликовали интересные стихотворения Адарова. Обратил он на себя уже

внимание и как автор рассказов. Позднее лучшие из них вошли в книгу Аржана Адарова «Годы и люди», повествующую о становлении новой жизни в алтайских анлаx. Книга эта вышла в 1962 году в Горно-Алтайске.

А в следующем 1963 году в Алтайском книжном издательстве, в Барнауле, выходит первая поэтическая книга Адарова на русском языке — «Подснежник». Предисловие к этой книге — доброе напутственное слово поэту — написал Афанасий Лазаревич Коптелов.

Теперь Аржан Адаров — автор более десяти поэтических книг на алтайском и русском языках. Три из них: «Земля, поднятая к солнцу», «Кочевники» и «Колдовское дерево» — выпущены московскими издательствами.

В настоящий сборник поэт включил и новые стихотворения и лучшие стихи из своих прежних книг. Разнообразные по тематике, стихи эти дают цельное представление о творческом лице автора, его поэтических пристрастиях, его симпатиях и антипатиях.

Главным источником творчества для Аржана Адарова был и остается, естественно, родной горный край — его прошлое и настоящее, его трудолюбивый народ, его неповторимая природа. Когда поэт пишет:

Я знаю — здесь мой дом, здесь я рожден,
Я знаю — без меня пустеет он.

И снова говорю я: мой Алтай.
И повторяет эхо: мой алтарь! —

это не случайные слова. К какой бы теме ни обращался поэт — всегда возникают в его стихах приметы родного синескалого Алтая, что «трехгранным алмазом у Азии лег на груди». Когда лирический герой Адарова «одинок и устал», тоскует в разлуке с любимой, — он чувствует себя так, будто «горы держал», будто «скалы держал». Когда заботы и дела уводят героя далеко и, бывает, надолго от родных мест, — с ним всегда и везде дыхание заоблачных высей горной страны. В самых сокровенных и бережных душах возвращается он в край маральных троп и могучих кедров, к дорогим его сердцу непосредственным и, может чуть наивным людям, к отчему порогу.

Мир не тесен, я знаю. Но, сердце мое,
Лишь у этого дома мы дома с тобой,—

говорит он в поэме «Двери». Поэма эта — одна из лучших больших произведений Адарова. Написанная в форме лирических монологов, она во многом автобиографична; русскому читателю поэма поможет ближе узнать автора и, главное, — поможет понять самую душу некогда забитого, а теперь нашедшего свою высокую судьбу алтайского народа.

Неизменна привязанность Адарова к сюжетам

и мотивам удивительных алтайских легенд и преданий, к героическому в истории алтайского народа. И это нисколько не мешает живому интересу поэта к современности, к заботам и проблемам наших дней, к людям, которые живут и трудятся рядом с нами.

Герой его поэмы «Тийиш» — и ныне здравствующий старый охотник. Он работает в Ининском козоводческом совхозе, награжден орденом Ленина. Наиболее частые персонажи стихотворений Адарова — его земляки: чабаны, охотники, скотоводы, люди интересных, поучительных судеб и просто милые алтайские девушки, без которых бег жизни потерял бы много своей прелести. Без песен этих девушек и утро не так начнется в горах, и работа пойдет не так, и весна замедлит свое шествие, и цветы не захотят расцвести.

Но на нашей большой Земле не только «цветы и синева», — есть еще «борьба, тревоги, слезы, горе, гневные и горькие слова». Ни гневных, ни горьких, ни торжествующих слов не чурается поэзия Адарова. Его тревожат и древние дороги инков или майя и сегодняшние судьбы Мексики или Греции.

Вновь свободу твою пауки
Взяли в сети, тебе вопреки, —
Это больно мне, Греция.

Знаю я, не от слов, не от слов
Рухнет тюрем железный засов,

Но печаль моя — пусть хоть она
У тюремного встанет окна, —
Будь свободна, о Греция!

А в балладе «Художник и революция» Адаров ярко рассказал о влюбленных в свободу смуглокожих мексиканцах, показал их художника Диего Ривера, отдавшего свой талант на службу революции. Любая стена, на которой появляются фрески Ривера, превращается в поле сраженья за свободу. Ночами, как воры, враги соскребают со стен краски фресок. Но последнее слово остается за художником революции — у Ривера «опять — кисти, краски, работа!» и опять полочется красное знамя со стен,

И студенты, которых вчера расстреляли,
Оживают — и в бой поднимаются снова.

Поэт ощущает свою причастность к тем, кто борется за свободу, как далеко бы от его Алтая ни шла эта борьба. Потому что трудовые люди Земли — всей Земли — едины в главных своих стремлениях и надеждах:

Слышу я, как зовут пролетарские песни:
Справедливой борьбе безраздельно отдайся!
И седлает коня Революции вестник,
Мексиканец, похожий лицом на алтайца.

Те, кто ныне отдаются безраздельно «справедливой борьбе», неизменно возвращают воображе-

ние поэта к картинам гражданской войны на Алтае, к юности наших отцов, их традициям и заветам. Поэт создает образы людей, которые, борясь, в огне, в «молниях клинков», шли навстречу той заре,

Что над землей
Великий Ленин нам зажег
Там, над Невой.

Безграмотные пастухи, они воевали с белыми, строили школы — первые в своей жизни школы, создавали колхозы, а позднее — отстаивали свои завоевания в тяжчайших битвах Великой Отечественной войны. В стихотворениях этого плана, может, чаще, чем в других своих произведениях, автор поднимается до определенных обобщений. За строками этих стихотворений совершенно определенно звучит тема единения судьбы одного человека с судьбой всего народа — людей всех национальностей нашей страны.

Бывают минуты, когда и взрослому человеку отец оказывается нужен не менее остро, чем ребенку. Может, потому так происходит, что детская сиротская боль, будто и позабытая давно, таится где-то в человеке, живет и потихоньку набухает, пока не прорвется однажды. И тогда мужчина, сам давно уже отец, кричит во сне: «Папа! Папа!» Так случилось с героем стихотворения Адарова «Сон». Он сразу узнал своего отца, который шагал в молчаливом строю солдат.

Он бежал вслед за ними, он кричал: «Папа, папа, стой!». «Но отец уходил, молчалив и высок», уходил в строю других отцов.

И никто не хотел обернуться назад.
И горел впереди молчаливый закат.

Герой другого стихотворения Адарова («Без вести пропавший») мечется по дорогам России — ищет «хотя бы след отца...» Сын сообщает всем главную примету своего отца: «Он шел вперед. Он пал лицом к победе...» Отвечает ему стареющий майор с добрым и усталым взглядом:

Лицом к победе столько храбрых пало,
Иначе б мы не встретили ее!

Нет, не личная потеря, как бы горька и тяжела она ни была, определяет отношение человека к минувшим памятным событиям. Поэт исподволь приводит своего героя к пониманию единства своей жизни с жизнью страны, и тот, уловив голос отца в шорохе зреющих хлебов, заключает:

Пусть свежий хлеб вздыхает на столе,
Пусть жизнь идет, пусть никогда без вести
Не пропадают люди на земле!

Во многих стихотворениях этого сборника нашли свое поэтическое воплощение исторические судьбы алтайского народа. Всмотреваясь в глубь

веков, поэт видит своих предков кочевников, бредущих дорогами тысячелетнего рабства. Вот они, зоркие, привыкшие «прищурясь смотреть», уходят от родных аилов и исчезают «в песчаной метели». Вслед им — ветер, полный «отчаянья и тоски», с ними — слепой, застывший страх, над ними — «небо пустое — единственный кров». А впереди и вокруг — бескрайние степи, как проклятье, как плаха, на которой гибнут надежды.

Камни в пыль перетер я ногами
На дороге, где счастье искал, —

говорит поэт в стихотворении «Я — алтаец».

В нынешнем 1972 году исполняется 50 лет со дня образования Горно-Алтайской автономной области. Оглядываясь на путь, пройденный его народом, Аржан Адаров, поэт и потомок древних кочевников, говорит сегодня от имени всех алтайцев:

Сто веков прокатилось,
и пришло наше время.
И не гости теперь мы
на этой земле,
Мы хозяева здесь,
мы — кочевников племя.

К. И В А Н О В А

-189333-

СТИХИ

Горно-Алтайский
областной
ГП «Книгоиздательство»

КОЧЕВНИКИ

Мы кочевников племя. Нам тысячи лет.
Жили мы на Земле как недолгие гости.
Мы с травой уходили,

и белые кости

В молчаливых курганах —

наш единственный след.

Кто мы?

Гул табунов, истлевших в степях.

Кто мы?

Тихий ковыль без конца и без края.

Сквозь века мы прошли на своих лошадях,
Вырастая в седле и в седле умирая.
Да, кочевники мы! И сейчас, и сейчас —
От зимовья к джайлау и снова к зимовью...
Нет,

однажды зажженный огонь не погас,
Он по жилам бежит с беспокойною кровью.
Только лето — и сердце зовет нас вперед,
И, прищурившись, смотрим мы в синие дали.
Мы кочевники. Мы беспокойный народ.
Мы за счастьем своим столько лет кочевали.
К новой жизни мы шли,
крепко сидя в седле.
Сто веков прокатилось,
и пришло наше время,
И не гости теперь
мы на этой земле —
Мы хозяева здесь,
мы, кочевников племя.

В горах Джайлау колыбель моя,
Поближе к тучам, что плывут высоко.
У края ледников родился я,
Поближе к звездам, где летает сокол.

И сердце я оставил, не тая,
В родном краю, где голубые горы.
Там навсегда осталась песнь моя —
В густых лесах, где листьев тихий шорох...

Так что же дано мне сказать
О времени нашем с тобой,
Какие оставлю слова,
Свой путь завершая земной?
Такую ли песню найду,
Чтоб в рост в ней эпоха была?
Умолкнут ли вместе со мной
Стихов моих колокола?
Ты слышало, сердце мое,
Столетние думы тайги.
Ты видишь, как ветер шальной
Целует весной лепестки.
Ты помнишь, как тихи слова
Боящейся слова любви.
Ты знаешь, как вешне гудит
Предчувствие счастья в крови.
Ты, сердце, не можешь молчать,
Ты, сердце, меня не жалеи —
Я в поисках песен живу,
Я песню ищу для людей.

Мне слышится где-то вдали,
Почти полземли одолев,
Сквозь снежные вихри в горах
Звенит «Варшавянки» напев.
Я слышу кронштадтцев шаги,
Их марша железного шквал —
«Каховка» над миром летит,
Гремит «Интернационал».
Мне кажется, Ленин идет
По горной моей стороне,
И судьбы алтайской земли
Яснее становятся мне.
И ответ октябрьских знамен
Строку обагрят огнем,
И тысяч сердец голоса
Сливаются в сердце моем.
И сердце, как солнце, во мне:
Вот-вот разорвет мою грудь.
И новая песня моя
Созрела и просится в путь!

Когда я говорю: «О мой Алтай!» —
Мне возвращает эхо: «Мой алтарь».
Когда в глазах слеза блеснет, светла,
Тебя вдали я вижу, Улала...

О как чисты озера там, вдали,
Когда их покидают журавли!
Как синь туман над Табатом вдруг,
Когда уходят лебеди на юг!
И горы,

молчаливы и ясны,

Глядят свои серебряные сны,
И кедры, кедры там, на склонах их,
И сладки слезы на глазах моих!
И лишь туман, как песня, голубой
Качается в глазах передо мной.
И старый кедр я горячо молю:
«Скажи мне, где дорога в Улалу?»

...О, если б даже был изгнанник я
И все меня забыли бы друзья,

Далекый блеск вершин твоих, мой край,
Помог бы мне вернуться на Алтай!
И пусть дрожит в глазах моих слеза —
Она легка, как горная роса.
И пусть плывет туман передо мной —
Он точно крылья за моей спиной.
Я знаю: здесь мой дом, я здесь рожден.
Я знаю: без меня пустеет он.

И снова говорю я: «Мой Алтай!»
И повторяет эхо: «Мой алтарь».

АИЛ

Аил, аил! Убогое жилище,
Как много дум ты пробудил во мне!
Здесь шли года, здесь бедность грела нищу
На стареньком трехногом тагане.

Бывало, ветер с бешеною силой
Худую, в дырах, кровлю из корья
Срывал с тебя — и остов твой унылый
Торчал, как ребра павшего коня!

Аил, аил, старинный, восьмигранный!
Зюда, где жизнь просторна и светла,
Из прошлых дней,
 как некий призрак странный,
Прибрел ты на окраину села.

Аил, аил, твой век недаром прожит,
А новому —
 ни в чем ты не под стать.
Еще неделя пролетит, быть может, —
И рухнешь ты, чтоб никогда не встать.

Аил, аил, сложна душа людская!
Я новой жизнью свято дорожу.
А вот стою — и, словно бы лаская,
Рукой по бревнам тихо провожу.

Тебя ли мне винить? В любые стужи,
Над низкой крышей воскурив дымок,
Людей исхолодавшие души
Ты грел, как мог, и радовал, как мог.

Но мы — не те! Над миром современным
Иная жизнь клокочет и гудит,
И твой хозяин в доме пятистенном
У радиоприемника сидит.

А над тобой дрожит, свиваясь в петли,
Не дым — дымок. Вернее, тень дымка.
Как будто ты раскуриваешь, медля,
Последнюю затяжку табака.

И радостно, и грустно мне, признаться,
И трудно разобраться — отчего...
Исчезни, говорю! Пусть не слезятся
Мои глаза
от дыма твоего...

ДУМЫ У МАВЗОЛЕЯ

Мы шли сюда со всех концов страны.
И вот, в ряду других, со стороны,
Свое лицо я вижу отраженным
В граните полированной стены.

Вот — вход. Ступени. Голову склони.
Все мелочные мысли прогони.
Здесь вечным сном уснул товарищ Ленин.
В его лицо спокойное взгляни.

Здесь тишина. Что, сердце, шепчешь ты?
«Оттуда, где алтайские хребты,
Тебе несу я, Самый Человечный,
Любовь, и благодарность, и мечты!

Поверь, Великий, сыну чабана:
Пусть не большая сила мне дана —
Все сделаю, себя не пожалею,
Была б счастливой милая страна!»

Здесь, как нигде, минута коротка.
Здесь, как нигде, минута — велика:
Всю жизнь свою припомнить успеваешь,
И явственней грядущие века.

Мы движемся безмолвно, как в строю,
Великому причастны бытию,

И вот опять на площадь мы выходим,
На Красную, прекрасную свою.

Мы будем в небо Родины глядеть,
Забудем шапки зимние надеть,
И будут в волосах снежинки таять
И чистыми росинками блестеть...

Песня бесконечной тишины.
След саней, а сани не слышны.
Тихие вокруг лежат снега...
Налетит, закружится пурга,
Закричит, завоюет, засвистит
И уйдет. И снова снег блестит.
Только вьется над трубой дымок.
Только лает глупенький щенок.

НЭЛЛИ

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,
Кто имя английское
Дать тебе мог?

В догадках своих
Я, признаться, не тверд:
Ужель твои крестные —
Леди и лорд?

О Нэлли, о Нэлли,
Какая ты мисс?
За имя свое
Ты не им поклонись.

Не леди в ладоши
Тебя приняла,
А бабка,
Что рядом в анле жила.

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,
В алтайском краю
Родилась ты в свой срок.

Без титулов графских
Жила ты в селе,

Счастливой хозяйкой
На доброй земле.

Такие девчонки
В шотландских краях
Живали когда-то
У Бернса в стихах.

О Нэлли, о Нэлли,
На горном лугу
Тебя ли я встретил
С отарой в снегу?

«О, здравствуйте, леди! —
Сказал я тотчас. —
Здоровы ли овцы
В отаре у вас?»

«Ой, что он болтает? —
Ты прыснула вдруг. —
Какая здесь леди?
Здесь горы вокруг.

Вы в Англию, верно?
Вы сбились с пути?
Желаю вам в Англии
Леди найти».

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,

Не знаю, кто имя
Придумать вам мог.

Но есть на Алтае
Девчонка одна,
Пусть песенку эту
Услышит она.

Счастливой хозяйкой
На доброй земле.

Такие девчонки
В шотландских краях
Живали когда-то
У Бернса в стихах.

О Нэлли, о Нэлли,
На горном лугу
Тебя ли я встретил
С отарой в снегу?

«О, здравствуйте, леди! —
Сказал я тотчас. —
Здоровы ли овцы
В отаре у вас?»

«Ой, что он болтает? —
Ты прыснула вдруг. —
Какая здесь леди?
Здесь горы вокруг.

Вы в Англию, верно?
Вы сбились с пути?
Желаю вам в Англии
Леди найти».

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,

Не знаю, кто имя
Придумать вам мог.

Но есть на Алтае
Девчонка одна,
Пусть песенку эту
Услышит она.

Вот я в горы опять уйду при луне,
Поднимаюсь до белых холодных вершин —
Здесь когда-то, мальчишка, гонял я овец,
Здесь я с детством далеким один на один.
Здесь я небо на плечи накинчу, как плащ, —
Пусть сверкает на полах созвездий шитье.
Здесь я ворот пошире — пусть дышится власть!
Как мы редко встречаемся, детство мое!
Я к ручью наклоняюсь — как терпка вода!
Я руками в охапку ловлю облака,
Но, как стадо гривастых алтайских коней,
Пролетают они по дороге своей.
Кони, кони, я их вспоминаю не зря.
Ни уздечек, ни седел — как бегалось им!
Сколько весен тоскуют кукушки в лесу
По джигитам, по бравым парням молодым.
Им уже никогда не вернуться назад.
Никогда им коней не седлать поутру.
Только кедры шумят, только кедры шумят,
Как зеленые флаги на вешнем ветру...

Я иду молчаливо отцовской тропой.
Он ушел на войну, как и все, молодой.
Как бежал я, малыш черноглазый, за ним:
«Папа, папа, ты скоро вернешься домой?»
Я на небо гляжу, я гляжу на луга —
Что так кружится нынче моя голова?
То ли тучи плывут, то ли думы бегут,
То ли духом каким опьяняет трава.
Я иду по вершинам твоим, Монгулак.
Рассыпаются искры росы из-под ног,
Здесь отец мой раскладывал на ночь костер.
Над потухшим кострищем стою одиноч.
Так ли где-то и наши погаснут огни?
Что ответишь ты, время?
Что скажешь ты, век?
Я зачем-то срываю таежный цветок
И в раздумье иду по земле, человек.

ВЕЛИКОЕ КОЧЕВЬЕ

Мы кочевали тысячелетья,
Пересекали материки.
Где наша родина?
Чьи же мы дети,
Малые дети и старики?

Мы исчезали в песчаной метели.
Время дороги успело стереть:
Зоркие, вдаль мы глядели прищурясь, —
Так и привыкли, прищурясь, смотреть.

Вечно в пути:
Мы в дороге родились,
Наши качалки — верблюжьи горбы,
Песни протяжные сами сложились
В долгих дорогах неверной судьбы.

В песнях поется:
Есть море на свете,
Вечное лето и берег реки.
Там наша родина.
Мы — се дети,
Малые дети и старики.

Мы кочевали тысячелетья,
Пересекали материки.

От молчаливых аилов, где ветер
Полон отчаянья и тоски,
Шли от слепого застывшего страха,
От колдовства безымянных веков.
Степи бескрайние — вот наша плаха,
Небо пустое — единственный кров.

Но позади это горькое время.
Сколько дорог затерялось вдали!
И не бродяги мы. Новое племя,
Родину мы навсегда обрели.

Гордые дети большого народа,
Мы поднялись для труда и борьбы.
В наших сердцах запекает свобода,
В наших глазах — свет высокой судьбы.

КОММУНИСТ

Он коммунистом не был — по анкете,
Отец мой, дельный, вдумчивый мужик,
Но шрам косою не зря его пометил:
На белых в бой он шел как большевик!

Он коммунистом не был — по анкете,
Но строил школы, основал колхоз,
И — пусть и не отмеченный в билете! —
Немалым был его партийный взнос.

Он коммунистом не был — по анкете,
Был беспартийным. Но за все в стране,
Как коммунист, считал себя в ответе
И умер коммунистом на войне.

Он коммунистом не был — по анкете,
Но если взвесить мысли и дела,
То жизнь его под солнцем на планете —
Вся! — заявленьем в партию была.

Отец мой, коммунист без партбилета,
Вовек твой образ в сердце не умрет,
И для меня в живую плоть одеты
Слова большие: Партия, Народ...

ЧОЛУШМАНКА

Чолушманка танцевала, тонкий стан, кружась,
сгибала,
Башмачки хоть были стары — каблучки стучали
в лад.

Чолушманка танцевала, пыль над полом
поднимала.
Чолушманка улыбалась — покорила всех подряд.

Пусть подол ее неровен — где короче,
где длиннее,
Но смеется чолушманка — зубы белые, как снег

Нет, наряд ее не блещет, может, он других
бледнее,
Но она не унывает — юный, гордый человек.

Чолушманка танцевала, тонкий стан, кружась,
сгибала,
Рот открыв, смотрели парни, перед ней
склоняясь ниц,

Чолушманка песню пела и на комусе играла —
И глаза ее смеялись из-под вскинутых ресниц.

Не шелка на ней надеты, на ногах не
туфли-диво,
Все же стройности не скроешь под одеждою
простой!

Не умела одеваться, просто знала,
что красива,
И, прекрасная, блистала светлой утренней
звездой.

Чолушманка танцевала, тонкий стан, кружась,
сгибала.
Башмачки хоть были стары — каблучки
стучали в лад.

Чолушманка танцевала, всех парней околдовала,
Улыбнулась—непокорных покорила всех подряд!..

КОЛДОВСКОЕ ДЕРЕВО

Слышал я: в таежной дальней чаще,
Где безглазый сумрак распростерт,
В той глуши, таинственно молчащей,
Колдовское дерево растет.
Кто с него хоть веточку срубает,
Власть берет над счастьем и судьбой:
Пожелай —

красавица любая

Вслед пойдет покорно за тобой.
Только знай, за счастьем в путь

пустившись:

С каждой веткой, рухнувшей на снег,
Умирает, за сердце схватившись,
Где-то в мире

добрый человек...

Чем любви ценой такой добиться,
Счастье взять с проклятьем пополам, —
Лучше в бурю стать бездомной птицей,
Диким зверем рыскать по горам,
Буду —

пусть! —

страдать еще сильнее,

От тоски, как пес, околевать,
Иль умру — или тебя сумею
Сам, без колдовства околдовать!

Труби, труба, зови, труба, —
На зов лечу!
Клинок отцовский огневой
Мне по плечу.
— Ребята, шашки наголо!
Даешь Оймон!¹ —
Как вихри,
 гривы у коней —
Наш эскадрон.
Играют молнии клинков
Со всех сторон —
Воскресший Сухов² бить врага
Пришел в Оймон.
Суд революции суров,
Бойцы правы —

¹ Оймон — местность в Горном Алтае.

² Сухов — командир красногвардейского отряда, расстрелян белыми.

И Кайгородов есаул¹
Без головы.
И вновь команда:
«Эскадрон!...»
И дробь подков.
Еще под белыми Алтай —
Добьем врагов!
Эй, Яконур, Кырлык, Ело²,
Заря близка!
Взвей знамя в небо — и вперед,
На беляка!
Лети, земля, искри, земля,
Из-под копыт.
Пусть красноезвездный правды свет
В сердцах горит!
И где-то в сумерках ночных
Алтайских гор
Мчит синегривый эскадрон
Во весь опор.
И снова знамя впереди,
И ветер бьет,
И, как кумач, в груди моей
Заря цветет!
...Виденья легендарных дней,
В который раз,
Как той зари горячий свет,

¹ Кайгородов — командир белогвардейского отряда.

² Яконур, Кырлык, Ело — названия алтайских сел.

Я вижу вас:
Весь горизонт в горах моих
Огнем объят.
Клики, как молнии, в руках —
Летит отряд.
Летит навстречу той заре,
Что над землей
Великий Ленин нам зажег
Там, над Невой.

МОЙ НАРОД

От дымных аилов, ущелий ревущих,
От гор, в бесконечность без цели идущих.
От рек светлоглазых, по камням бегущих,
Пришел мой народ.

Недвижное время над ним распласталось.
И выжила самая малая малость,
На струнах толшура навеки осталась
Седая печаль.
И годы прошли, и растаяли годы,
Забылись языки, исчезли народы,
Где высились горы, там плещутся воды,
Но жив мой народ!

Люблю в горах у костра прилечь
В час, когда взойдет луна,
И слушать неторопливую речь
Знакомого чабана.
Люблю смотреть на вершины гор —
Над ними звезды зажглись —
И слушать, как бормочет костер.
Как в бочонке бродит кумыс.

И так легко мне, и светел былал.
И так спокойна душа...
Но думы
Сердце мое стеснят,
И —
Словно гроза пришла,
И гром грохочет из черных туч,
И молния сумрак рвет.
И я говорю: «Будь смел и могуч,
Маленький мой народ!
Быть робким нынче тебе не след,
Вставай, сумей побороть
Все то, что за тысячу рабских лет
Вошло в твою кровь и плоть.
Не преградит никакой злодеи
Дорогу твою к заре.
Мы не последние из людей
На этой большой Земле!
Это не наше — печаль и страх,
Наш удел не таков.
Вон как светят костры в горах —
Выше всех маяков!
Эй, костер, веселей гори,
Пусть видят Закат и Восход!
В полный голос теперь говори,
Мой молчаливый народ!»

АЛТАЙСКИЕ ДЕВУШКИ

То ли это утра
Песни петь охота,
То ль без ваших песен
Утро не начнется?
То ль без ваших песен
Не идет работа,
То ли без работы
Что-то не поется?

Вы скажите, девушки,
Алтайские девушки!

Горы задремали.
Что им ночью снится?
Только вашей песне
По ночам не спится.
И, проснувшись, горы
Песне подпевают,
Каменные губы
Тихо разжимают.
То ли ваши песни
К нам весну приводят,
То ли песня в сердце
Лишь весной приходит?
То ль от песен солнце
Жарче в поднебесье,

То ли это солнце
Разжигает кровь?
То ль любовь приходит
И приводит песни.
То ли ваши песни
Привели любовь?
Я не знаю, девушки, —
Вы знаете, девушки...

ЖИВАЯ ВОДА

Там, где тень отбросил горный гребень,
Где прохлада освежала тело,
Родничок мне с детства был знаком.

Дед мой уверял: родник —
целебный!

Вечно голова его белела
В зарослях над самым родником.

Дед с ним вел беседы, головою,
Как живому, бережно кивая...
Вся природа, он считал, живая.

— Дерево не рань —
оно живое,
Землю зря не мучь —
она живая... —
И сегодня помню те слова!

Помню, заболел я — и тогда-то
Деревянный ковшик невысокий
Дед с водой принес из родника.

— Ией! Целебной силой, внук, богаты
Матери-земли живые соки... —
И сухая дрогнула рука.

Выпил я — и, верьте мне, повеял
День прохладой, силы мне даруя...
Не было здесь чуда — суть не в том:

Просто очень деду я поверил,
Просто верой в доброту земную
Был спасен я — как не раз потом.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

...И снова
Небеса поголубели,
Цветы и травы
Пахнут тишиной.
Лежу в траве,
Как будто в колыбели,
И солнце
Наклонилось надо мной.

Эй, ветер с гор,
Слети сюда в долину,
Шатер ветвей
Дыханием качни...
Пусть шепчут кедры
Мне свою былину,
Как старые
Сказители — кайчи!

Пусть прибегут
Кудрявые ягнята,
Теснясь вокруг,
Обступят мой привал.
Мы вспомним вместе,
Как не раз когда-то
Я с ними
Перевал
Одолевал.

Я брал усталых
На руки в дороге,
Замерзших —
Согревал своим теплом..
Так, лет семи,
Я заслужил в итоге
Чабанский, трудный
Первый мой диплом!..

Я жил в столицах,
Где авто и трамы,
Над книгами склонялся в тишине,
Но не забыл,
Как пахнут солнцем травы:
Одно с другим
Не ссорится во мне.

Я счастлив тем,
Что близки мне отныне,
Скептическим прогнозам вопреки,
И эти горы —
Вечные, родные,
И мысли, что, как горы, высоки.

И звезды голубые над горами,
И огоньки
На городских мостах,
И всех цветов трепещущее пламя,
И трепетные строки
О цветах.

Гляжу на мир
Мудрее, глубже, шире,
Богатства сердца
Бережно коплю.
Отцовский край,
Что всех дороже в мире,
Как прежде —
И по-новому! —
Люблю.

Да, мы такие!
Тропами исканий
Мы в новый путь
Выходим на заре —
И счастья
Многоцветней, многогранней
Еще никто
Не ведал на земле.

В моем краю,
В моем двадцатом веке
Присяду
У пастушьего огня...
Я не забыл вас,
Горы, тропы, реки,
А вы, друзья, —
Узнали вы меня?
Мой голос вновь
По-юношески звонок,

Все тот же я,
Что с детства вам знаком...
Лежу в траве —
И сосунок-ягненок
Мне лижет руку
Узким языком.

ЗМЕИНАЯ РЕЧКА

То ли просто извилисто русло ручья,
Будто тропку ему проложила змея,
То ли камушков донных узор золотой,
Как змеиная кожа, блестит под водой,
Только как ни взглядишься в мерцанье
ручья —
Где-то нежится, вьется, танцует змея!

...Он давно уже в трубы, ручей,
заклочен —
В белых ваннах дымится целебный радон,
И курортницы едут сюда чередой
Кто с недугом каким, кто с тоски,
кто с бедой.

Этой речки таинственной теплый исток —
Сколько лет он в веках, как предание, тек,
То в туман одеваясь холодной зимой,
То на солнце змеиной блестя чешуей?
Говорят, что когда-то в былые года
Дочка хана пришла искупаться сюда,
И, коснувшись ногой обнаженною дна,
В золотую змею превратилась она.
С той поры лишь по зову полночной
звезды

Поднимается ханская дочь из воды.
И, змеиную кожу смывая волной,
Одиноко выходит на берег почной.

АЛТАЙСКИЙ ЭСКАДРОН

*Памяти бойца Алтайского
эскадрона, полковника
М. С. Каташева*

Даурня, Даурня,
Ветра со всех сторон.
Шел под грозой и бурею
Алтайский эскадрон.
Вскипали дали выстрелами,
Звенели близи саблями,
Но кони были быстрыми,
А люди были храбрыми.
Стояли на горбатом
Амурском берегу
Алтайские ребята
Преградою врагу.
Сигвальною ракетною
Взрывалась тишина.
Вставала над планетою
Великая война.
Голов своих не гнули,
Шли в бой за край родной.
Под бомбами и пулями
Редел их строй стальной.
Один смертельно ранен был
У речки Халхин-Гол,

Другой из Померании
Обратно не пришел.
За Вислою и Одрою,
От служб освобожден,
Раскинул руки мертвые
Алтайский эскадрон.
Осенней ночью хмурою,
От пуль заговорен,
Проходит по Даурин
Алтайский эскадрон.
Идет, как шел он некогда,
В былые времена,
Но песен петь там некому,
И тихи стремена...
Идет стальная конница,
И ветер знамя вьет,
И никогда не кончится
Бессмертный тот поход.

Завернусь я однажды
По плечи в пургу
И умчусь привидением
В горы, в тайгу.
Как изгнанник,
Покину я город родной —
Пусть заносит поземка
Дорогу за мной.
Кто там хватится
Вечером вьюжным меня,
Будет ждать,
Не гася до рассвета огня?
Может, только черемуха
Вспомнит весной
Давний вечер,
Что в сердце унес я с собой.
Может, только
Глаза голубые озер —
Не иду ли? —
Глядят на дорогу с тех пор.

Но и этой дорогой
Промчится марал
И рогами луну —
Вниз, на выступы скал!
Чтобы пыль серебром
Поднялась над горой
И засыпала снегом
Тропинку за мной.

МАТЕРИ НАШИ

Годы пройдя и дороги пройдя,
Мы к матерям приходим своим.
Дети, мы ласки маминой ждем.
Молча, как в детстве, рядом сидим.
С болью на сердце к маме идем.
Чтобы согреться, к маме идем.
«Здравствуй, мама!
Как живешь, мама?»
Все ты обрел или все потерял,
Дряхлым ты выглядишь иль молодым —
Все мы приходим к своим матерям,
Все к матерям приходим своим.
Словно в далеком детстве своем,
Дети, мы ласки маминой ждем.
Ну, а поэты — дети вдвойне.
Сердце поэта — оно не в броне.
Сердце поэта настежь открыто
Зимней метели, летней грозе,
Чистым словам и словам ядовитым,
Каждой улыбке и каждой слезе.
И, как бы разны их песни ни спеты,
Все к матерям приходят поэты.
Строчки прекрасны или дурны —
Пред матерями все мы равны.
Словно в далеком детстве своем,
Дети, мы ласки маминой ждем.

Трудно мне — к маме моей прихожу.
Вечером молча рядом сижу.
Что нам слова, если мы вдвоем, —
Мы и без слова друг друга поймем!
А иногда мы выпьем вина
(Из молока хорошо вино),
И запекает мама моя
Песню, что пела когда-то давно.
Песню, в которой голос тайги,
Песню, в которой говор степей,
Ту, что она под посвист пурги
Над колыбелью пела моей.
Все забывает сердце мое.
Столько симфоний я слышал — их нет!
Есть только песня, что Мать поет
Вот уже тысячу тысяч лет.

Ты постарела, мама моя.
Голос негромок,
Руки сухи...
Тихо сижу возле мамы я.
Тихо в душе прорастают стихи.

Отчего на глазах
Слеза?
Или синью слепят
Небеса?
Или яркие цвета
Земли?
Или к югу летят
Журавли?
Или грустен кукушки
Крик?
Или дома я вновь
На миг?

ХУДОЖНИК И РЕВОЛЮЦИЯ

(баллада)

1.

Солице Мексики, к небу в зените прибито,
Разноцветно сверкает, как перья фазаны.
Это солнце с рожденья любил Диегито —
Стройный мальчик с индейскими чудо-глазами.

И еще он любил свой красивый, упрямый,
Свой влюбленный в свободу народ смуглокожий,
Тесноту карнавалов и тихие храмы,
Где мадонны на белых мадонн не похожи.

А глаза у мальчишки — действительно чудо:
Видел он сто цветов, где другие —
лишь десять!
О, откуда приходит такое, откуда
Эта жажда — творить, удивляться, чудесить?

Но кончалась коррида. С трибун стадиона
Расходилась толпа — те бедны, те богаты,
И сурово смотрели седые пеоны,
Ветераны-бойцы из отрядов Сапаты.

Революция! Судьбы твои — непростые:
Генералы друг другу тебя продавали,

Ловкачи воровали плоды золотые,
И философы криво тебя толковали.

Но вовеки не скроется солнце в тумане,
Не погаснет в свободу старинная вера!
Так за дело, товарищ! Револьвёр в кармане,
Кисть в руке коммуниста Диего Ривера!

Он людские черты лепит грубо и резко,
Ощущая в груди торопящее жженье,
Новой битвой становится каждая фреска,
И любая стена — словно поле сраженья.

Нет, его не прельстит легкой славы приманка,
А к Отчизне любовь — бесконечна, бездонна...
И ему улыбалась простая крестьянка,
Мексиканка, натурщица, радость, мадонна.

2.

Что за ночи над Мексикой! Полные мощи,
В небо тянутся пальмы гигантского роста,
Дремлет кактусов короткорукая роща,
И на иглы натыканы крупные звезды.

А прибой атлантический бьет, неотступен!
А история в камне молчит, как немая!
И луна золотая повисла, как бубен,
Над руинами капищ ацтеков и майя.

Он бродил при луне по безлюдным дорогам,
Он с ночным мирозданьем беседовал много,
Он в тени пирамид передумал о многом
Перед каменным ликом забытого бога.

А наутро опять — кисти, краски, работа!
Плещет красное знамя в руках молодежи,
И ведут на борьбу пролетарские роты
Маркс и Ленин, чуть-чуть на индейцев похожи!

Иногда он, усталый, в раздумье садился:
«Говорят — пролетариев в Мексике мало!
Неужели же я слишком рано родился,
И для нас революций пора не настала?»

Чье же слышу дыхание я за плечами
В те часы, когда Истину я обнажаю?..»
Скрежетали зубами враги. И ножами
Краски фресок со стен соскребали ножами.

Но Ривера опять поднимался на стены,
Восходил на леса как строитель, как зодчий...
И вставали бойцы — павшим братьям на смену,
Примыкал к забастовке прозревший рабочий.

Слышу я, как зовут пролетарские песни:
«Справедливой борьбе безраздельно отдайся!» —
И седлает коня Революции вестник,
Мексиканец, похожий лицом на алтайца.

Нет, не выдумка это и, нет, не легенда:
Где-то в прошлом глубоком сплетаются корни,

Знает Вечность, что родственны два континента,
Нас единое семя взрастило и кормит.

Первый солнечный луч тронул плоскую крышу.
Золотеет пустынная серая сьерра.
Я Америку вижу и Азию вижу
В мексиканской мадонне Диего Ривера!

Вот я вижу: с утра на работу идет он,
И шаги раздаются все звонче и звонче,
Ярким шарфом индейским вокруг шеи обмотан,
В шляпе широкополой, в расцветченном пончо.

А над ним — сумасшедшие краски рассвета
Разноцветно сверкают, как перья фазаны,
Штукатурка сырая, еще не прогрета,
В тишине ожидает его прикасания.

И солдаты Сапаты, сквозь времени дали,
Из стены проступают и смотрят сурово,
И студенты, которых вчера расстреляли,
Оживают — и в бой поднимаются снова!

ГУСИ ЛЕТЯТ

По ночам над заснеженным краем
Голоса так печально звенят.
Это гуси летят над Алтаем,
Это гуси куда-то летят.
То ли снег
Тихо падает с неба,
То ли пух этих диких гусей.
Дремлют горы под шапками снега
В молчаливой красе своей.

Спят домишки,
Укрывшись от ветра,
Приютившись на склоне горы.
И охотники до рассвета
Жгут в ночи,
Чтоб согреться, костры.
Надо всем
В затуманенной выси
Голоса так прощально звенят.
Это гуси летят в поднебесье,
Это гуси куда-то летят.
И всю ночь напролет
Незаметно
Исчезают вдали навсегда,
И уносят под крыльями лето,
И на крыльях несут холода.

ЧЕРЕМУХА

С той далекой поры пролетели года,
Но, как прежде, смущая солидных знакомых,
Я теряюсь всегда, я пьянею всегда
От весеннего запаха белых черемух.

Как мне быть? Вот встают они снова стеной,
Обступают кругом, раскрывают объятия...
Черт возьми, не смеешься ли ты надо мной,
Чудо-дерево в белом, как девушка, платье?

Только я не обижусь. Я сам виноват.
Был я молод и глуп. И по этой причине
Не ценил удивительный твой аромат,
Полагая, что так подобает мужчине.

Горделивые в сердце лелея мечты,
Шел я в жизнь — и однажды, нахмурясь сурово,
Черноглазой красавице в белом, как ты,
Не сказал на тропинке заветного слова.

А ведь что-то бродило, кипело во мне,
Но, себя самого понимать не умея,
Я назло становился черствее вдвойне —
Мол, девчонка! О чем разговаривать с нею!

Я в глаза не глядел ей, суровость храня, —
Что мне, сильному, чувства ее и тревоги!

Мне казалось: любовь ожидает меня
Как награда в конце очень дальней дороги.

Я ушел в ожидании будущих слов,
Но не спал почему-то в ту ночь до рассвета...
Лишь потом, и взрослей, и серьезнее став,
Понял вдруг, что ошибка допущена где-то.

Я в тот вечер подальше задвинул дела,
По забытым приметам, неловкий, несмелый,
Шел я долго — и память меня привела
На лесную тропинку, к черемухе белой.

Как же быть мне теперь, посоветуйте мне!
Видно, ждать — и, смущая солидных знакомых,
Каждый год, как мальчишке, пьянеть по весне
От бессмертного запаха белых черемух...

АЙ-ЭСКИ¹

Мальчишкой робким у окна,
Бывало, ждал я мать.
Стояла ночь темным-темна,
И было страшно спать.
В замшелых шубах духов рой
Кружился в снежной мгле.
Летала ведьма над трубой
Верхом на помеле.
К окну приник я не дыша,
От страха сам не свой:
Плывет печальная душа,
Зовет меня с собой.
В ущерб луны, когда метель
Стучится в каждый дом,
Заводят черти канитель
И ходят ходуном.
А бабки старые не снят
До самого утра.
В ай-эски маленьких ребят
Не пустят со двора.
Наговорят таких страстей,
Каких вовек не знал:

¹ Ай-эски — крайняя ущербность луны. По алтайским поверьям, в это время на поверхность земли поднимаются злые духи, души умерших и т. д.

Что сами видели чертей,
Что кто-то ночью у дверей
И плакал и стонал.
Пустынна улица опять,
Хотя еще светло.
Как будто снова кочевать
Ушло мое село.
Погасла лампа. Вновь темно.
Летит, кружится снег.
Смотрю испуганно в окно,
А мамы нет и нет.
Но только мама на порог,
Как все мне нипочем,
И словно не было тревог,
И солнцем полон дом.

Сегодня тоже, как тогда:
Метель. Ай-эски. Ночь.
Но детства минули года,
И страх и черти — прочь.
Но что-то в сердце берегу.
Мне тихо и светло.
Домишко маленький в снегу,
Далекое село.
Теперь, когда метель поет,
Я узнаю мотив.
И снежный вихрь меня несет,
Как в вальсе, закружив.

ДУМЫ

Вот опять я молчу, одинокий и устал,
Будто горы держал, будто скалы держал.
И морщины на лбу — словно складки тех гор.
Не ревнуй меня, милая, грустен твой взор.
Что такое со мной, не спрашивай ты.
Стали плечи мои, как Алтай хребты:
Шевельнусь — и обрушатся камни со скал,
И засыплет долины внезапный обвал.
А глаза — как озера: мне страшно моргать,
Чтобы воды их светлые не расплескать.
Что такое со мной? Словно в землю я врос,
Головою коснулся мерцающих звезд,
А в груди — так рокочут вулканы в ночи —
Глубоко-глубоко где-то сердце стучит.
О Алтай мой, Алтай, мне б увидеть разок
В млечных далях тропинки твоей волосок!
Все смотрю, все ищу — где ты там? как ты там?
Только больно глазам, непосильно глазам.
Точно в кряжистых кедрах таинственный ток,
В моих мускулах вешний колотится сок.
Только, легкий мой стих, что ж недолог твой
срок?
Быстровянувший, видно, взрастил я цветок.
Если б жизнь своей кровью мой стих налила,
Как гора, его строчка была б тяжела.
Я кажусь себе кедром алтайским порой,
Что корнями могучими сросся с горой.

Гнет тяжелую ветвь созревающий плод,
И блестит на вершине нетающий лед...
И опять я молчу, одинокий и устал,
Будто горы держал, будто скалы держал.
Не кори меня, милая, грусть затаив, —
Нелегка эта долгая дума моя.
Точно горы, безмолвно лежат на плечах
Те слова, что еще не сказал я в стихах
О тебе, мой Алтай, о тебе, мой народ,
Удержу ли его, созревающий плод?

ОВИДИЙ

Стоит в Констанце бронзовый Овидий.
Вокруг туристы пестрою гурьбой.
Он смотрит в море.
Что он там увидел?
Что вспоминает, слушая прибой?
Он вспоминает
Счастья дни и горя,
Когда прославлен был он и гоним;
И, вслушиваясь в вечный говор моря,
Он вспоминает
Вечный город — Рим.
Стоят в музеях статуй патрицьев,
Надменных и уверенных в себе.
Хотелось в вечный камень воплотиться им
И пережить всех прочих на Земле.
Грозившие германцам и парфянам,
Властители судеб в былые дни, —
Теперь они,
Как камни, безымянны
И, словно камни.
Мертвые они.
Обломки Рима,
Метины истории...
Империи сходили, как вода,
И только стои, что у певца исторгнули.
Стал песней
И остался навсегда!

Вы подлинным мерилом славу смерти —
И выше песни нету ничего,
И Рим

себя

Лишь тем и обессмертил,
Что он убил поэта своего.

Вот он стоит на площади в Констанце
И с моря долгожданный парус ждет,
Но из глухого синего пространства
За изгнанным галера не идет.
Над Томами¹ — нестройный ряд веков,
Уходят судьи,
Падают правители,
И только строки горькие Овидия
Не покидают этих берегов.

¹ То м ы — древнее название Констанцы.

БУДЬ СВОБОДНА, ГРЕЦИЯ!

Синеве твоих вечных морей,
Красоте твоих горных цепей,
Волшебству виноградных корней,
Доброте твоих мудрых людей —
Шлю поклон тебе, Греция!

Как паломник, турист, пилигрим
Был и я здесь, под небом твоим,
Умывался Эгейской волной,
Алтын-Кель в ней узнав голубой, —
Буду помнить их, Греция!

Древний Акрополь, мрамор руин, —
Звездной ночью я был там один.
Мне казалось, я слышал богов
С высоты твоих древних холмов —
Узнаю тебя, Греция!

Над тобою сегодня беда,
Носят траур твои города:
Вновь свободу твою пауки
Взяли в сети, тебе вопреки, —
Это больно мне, Греция!

Знаю я, не от слов, не от слов
Рухнет тюрем железный засов,
Но печаль моя — пусть хоть она
У тюремного встанет окна...
Будь свободна, о Греция!

Ах, сердце, и что твое пламя
Под долгим рассудка дождем!
Но угли так медленно тлеют
На доньшке самом твоём.

Ах, сердце, — как ночь бесконечна,
Когда ж засинеет в окне?
| Меня позабывший товарищ
Привиделся снова во сне.

Ты глядишь на меня,
как луна с высоты.
Как луна в облаках,
переменчива ты!
То в глазах твоих мед,
то — и горечь, и лед,
То внезапная молния
острым жалом сверкнет.
О тебе помышляя
и томясь, и любя,
Я трехликой Гекате
уподобил тебя.
И брожу, и твержу
среди ночной тишины:
— Ты — Геката, богиня
колдовства и луны!
Ты — и радость моя,
ты — и горе мое,
Ты — луна для меня,
а я — море твое.
Если косо заметишь —
мрачнеет волна,

И от берега тяжко
отхлынет она.
Потемнеет, отступит,
камни дна оголив,
Люди выйдут на берег,
люди скажут: «Отлив».
А когда улыбнешься,
вновь становится мил
Весь прибрежный знакомый,
примелькавшийся мир.
И волна, возвращаясь,
мчит резвей и резвей,
На бегу обнимая,
словно старых друзей.
Скалы, пристани, сваи,
маяки, валуны...
Вот что значит улыбка
благосклонной луны!
Ты — и радость моя,
ты — и горе мое,
Ты — луна для меня,
а я — море твое.
О тебе помышляя,
и томясь, и любя,
Я трехликой Гекате
уподобил тебя!

Вновь надо мною крики журавлей,
И к сердцу грусть
Опять пути сыскала.
Кошмою желтой лег простор полей,
Задумавшись, стоят в молчанье скалы.

О чем кричат, прощаясь, журавли?
О чем, склоняясь, шепчутся колосья?
Что дымка синяя таит вдали?
О чем лепечет рек разноголосье?

Хочу понять, постигнуть все вокруг,
Но от меня поля и лес таятся.
Я слышу песни задушевный звук —
Она без слов, и мне не разобраться.

На снежных кручах тучи тихо спят.
День кончится — и в гаснущие дали
Умчит их ветер прямо на закат,
Как детство
годы некогда умчали...

Песнь журавлей
Проникла в сердце гор,
С моим навек осталась
По соседству,
И вот звенит, живая до сих пор,
Звучит во мне
Далекой песней детства.

БРОНЗОВОЕ ЗЕРКАЛО

Это зеркало тапское, Базарыкский курган...
Как попало оно на Алтай, в Улаган?
Кто его смастерил? Кто своей красотой
Любоваться хотел и за смертной чертой?

Молчаливая бронза далекой страны.
Только шелест травы, только звон тишины...

По Гобийской пустыне, качаясь в пыли,
Шел большой караван из далекой земли.
Над могучей двугорбой верблюжьей спиной
Цвел на красном песке балдахин голубой,
И под ним, от палящих скрываясь лучей,
Горевала принцесса о недоле своей.
Далеко-далеко за Великой стеной
Оставляла принцесса дворец золотой,
Где отец-повелитель, труслив и жесток,
Стать женой чужеземца принцессу обрек, —
Чтоб кочевников диких смирить племена,
Будет хана ласкать молодая жена...

Драгоценного зеркала гладкий металл,
Сколько раз он девичью слезу отражал!
Сколько раз ей казалось жемчужной петлей
Ожерелье на шее ее молодой,
И блестела порой дорогая парча,
Как отточенный остро клинок палача.

Для чего ей небесного цвета шелка
В пропыленной кибитке того степняка?
Будто лотоса южного нежный побег,
Там замерзнет она и погибнет навек.
Там, в зеленых садах полуденной страны,
Расцветают лишь дочери старшей жены.
Там интриги и зависть, там месть и хула.
И зачем она в танском дворце расцвела!

Но служанка у ног госпожи молодой
Утешала красавицу речью иной:
«Я слыхала, владыка племен Кун-Тенгри —
Витязь смелый и ликом яснее зари.
Был извечным врагом он для танских царей —
Будет верным щитом он отчизне твоей.
И властители всех согдиянских племен
Не к тебе ли с дарами придут на поклон?
Иероглифом красным в столице отца
Твое имя в людские запишут сердца,
И не Лунным Цветком, а Полярной Звездой
Будут звать тебя люди за подвиг такой».

Но молчала принцесса, тиха и грустна:
Кто там вспомнит ее? Позабыта она.
От бархана к бархану и вновь на бархан
По Гобийской пустыне идет караван.
Только солнце палит от зари до зари,
И не видно священной Алтайской горы.
То ли холм там краснеет над красным песком,
То ли облако тлеет на небе пустом?

Только где-то над жаркою гранью земли
Одинокие тени мелькают вдали.
Только чудится где-то бассейн голубой —
Дно из ящмы зеленой, фонтан над водой,
Золотистые рыбки лениво плывут...
Но качается мерно усталый верблюд,
И шатается в седлах охраны отряд —
Где-то кони храпят, где-то латы стучат,
И кайчи-чужеземец весь день напролет
Непонятную песню устало поет.
Только покают в лад наконецники пик.
Будто такт отбивает охрипший старик...

Вот и вечер. К подножью оранжевых гор
Белоснежный принцессе поставлен шатер,
И посол императора, льстец и хитрец,
Достаёт, улыбаясь, с дарами ларец.
Дипломат и вельможа, в чехле борода,
Много золота старый припрятал туда —
Знает, видно, чиновник: подарки в цене
В той далекой кочевничьей дикой стране.
А вокруг дорогого принцессы шатра
Стелет ветер дымы от костра до костра,
Кони ржут, и темнеют верблюды в ночи,
И поёт свои древние песни кайчи,
Каравулы стоят на окрестных холмах,
Безучастные звезды блестят в небесах.
И кольчуги звенят, и дымятся котлы,
И в крошечной ночи только лица светлы.
А в шатре у принцессы лишь свечи трещат,
И невесел принцессы задумчивый взгляд,

И сверкают алмазы при свете свечей
Над застывшими крыльями тонких бровей.

Базарыкских курганов невнятная речь,
Как постичь мне тебя, как потомкам сберечь?
Будто желтый пергамент минувших веков
Закрывает зрачки неразборчивых слов:
«Два народа живут в полуночной земле.
Называют их люди тю-ку и теле.¹
Ходят в грубых овчинах, кочуют в степях,
Но бесстрашны они и искусны в боях.
В год Змеи, точно смерч, налетела орда
И сравняла с землей на земле города...»
Только слышится мне, как далекий набат, —
Где-то бубны стучат, где-то люди кричат.
И плывут с колесницей своей золотой
Белоснежные кони над синей травой.
И долина черна от людей и коней,
И охрипшие всадники мчатся по ней,
И принцесса, в соболя зарывшись меха,
Смотрит в красные лица, от страха тиха.
И огнистою медью сверкают котлы,
И дымят, как предвестие пира, костры,
И пред белым двенадцатикрылым шатром
Громко в бубны колотят жрецы над огнем.
Вот стоит колесница, команды звучат,

¹ Тю-ку и теле — предки тюркских племен.

Вот простерт коридор меж рядами солдат,
Вот принцессу к шатру сквозь застывший
их строй

Осторожно ведут по дороге прямой,
Лишь немые служанки несут перед ней
Легкий шелковый занавес неба синей,
Вот опущена ткань, и стоит впереди
Сам владыка. И солнце блестит на груди!
Но туманится зеркала бронза в руке,
И уже не понять мне, что там, вдалеке...

На Алтае завьюженном, долгие, точно века,
За дворцовыми окнами пухлые дремлют снега.
То закат заалеет, то бледный синеет

рассвет —

Молчаливой принцессе немилого неба привет.
Топчут земли чужие копыта коней Кун-Тенгри,
И горит за горами далекое пламя зари...
А в гобийских песках из далекой страны
Караваны спешат, не дождавшись весны.
И фарфор, и ковры, и шелка всех цветов —
Все купец расторопный доставить готов.
И улыбка не сходит с лица у купца,
Только знает принцесса коварство отца,
Только видит принцесса — не шелк, не вино,
Не купцов, а лазутчиков шлют к ней давно,
Чтобы сеять вражду, разделять племена,
Чтобы трон Кун-Тенгри подкосила война.

Но смеется принцессе в лицо Кун-Тенгри
И, целуя клинок, говорит: «Посмотри!
Нет на свете царей, чтоб тягаться со мной, —
Пусть дрожат тагбачи¹ за Великой стеной!»

Но опять беспокойная шепчет жена,
Что рука у отца жестока и длинна,
Что стрела ядовита, что тайный клинок
Может в сердце ударить в назначенный срок.

Но владыка на троне не слушает жен.
От походов устав, наслаждается он —
Пьет вино и, сойдя на ковер дорогой,
Рыжих пленниц ласкает хмельною рукой.

А настала весна — вновь в седло и в поход.
Он тюмени² свои на соседей ведет.
То из Гоби-Алтая несутся гонцы,
То он где-то согдийские рушит дворцы,
То принцессе из гиперборейской страны
Золотого барана везут скакуны.
И в завьюженной юрте певучей строкой
Славит храбрость владыки сказитель седой.

Вот и снова приходит зима в Улаган,
Белый снег засыпает разрытый курган.

¹ Тагбачи — китайцы (древнетюркское).

² Тюмен — десять тысяч воинов.

И бледнеют, и меркнут, и гаснут вдали
Золотые видения древней земли.

Отгорели костры, отзвенели клинки,
И снялись, точно птицы, тихи и легки,
И исчезли за тлеющей кромкой зари,
Растворились в веках племени Кун-Тенгри.
А в горах Улагана бушует пурга,
И на белых вершинах дымятся снега.
Только лунною ночью, как будто сквозь сон,
Вдруг послышится где-то таинственный звон...
Будто кони волшебные манят меня,
Золотыми уздечками тихо звеня,
И, атласные гривы взметнув на бегу,
Исчезают, как тени, на синем снегу.
Лишь далекое ржанье сквозь ветер звенит:
— Ты поймай нас, телес, ты верни нас, иркит!¹
И хохочет в горах, далека-далека,
Над седым Улаганом седая пурга.

¹ Телесы и иркиты — древнейшие племена Алтая.

ПОЭЗИЯ

Рожден в краю
Суровых синих скал,
Я легкой славы
В жизни не искал.

Я никогда
Хвалителям не льстил,
Я никогда
Хулителям не мстил.

Мне не знаком
Самодовольства груз,
И зависть
Я не пробовал на вкус.

Я к людям шел
С открытою душой,
Беду чужую
Не считал чужой.

И счастьем друга
Счастлив был спокоя —
Поэт
И сын простого чабана!

Пусть иногда
Мой стих бывает груб:

Я — рядовой
Работник-лесоруб.

Свой нужный труд
Не за корысть люблю —
От сердца к сердцу
Просеку рублю!

Поэзия!
Услышь простую речь,
К твоей вершине
Дай ступенькой лечь

Для всех, с кем я
Дружу в стране родной,
Для всех, кто рядом
Трудится со мной.

Хочу, чтоб в каждом
Доме ты жила,
Хочу, чтоб в каждом
Сердце ты цвела...

И если трудно
Будет иногда,
Я повторю.
Что это — не беда:

Рожден в краю
Суровых синих скал,
Я легкой славы
В жизни не искал!

Вдруг облако
Тебя напомнит живо,
Твой профиль,
Чуть размытый высотой,
Но облака —
Они так прихотливы:
Минута — и растаял образ твой.
Я взгляд свой
К облакам летучим поднял.
Они уходят.
Я гляжу им вслед.
Нет никого на свете их свободней,
И никого изменчивей их нет.
Летят они, летят по воле ветра,
Почти неслышно крыльями шурша,
И музыкой
Печальнойю
И светлой
Им чутко отзывается душа...

ПРОВОДА

Все я жду чего-то, виноватый,
Только что поделать — жизнь права:
Не вернуть слетевшие когда-то
С губ моих обидные слова.

И молчит мой телефон часами,
Лишь порой звонок, встревожив дом,
Скучными, другими голосами
Говорит не то и не о том.

Что за прок мне в утешеньях здравых,
Если смолк твой голос навсегда,
Словно бы от слов моих неправых
В тот же миг порвались провода.

Мнится мне: за сотни верст отсюда
К трубке прикасается рука.
Мнится мне: вот-вот свершится чудо,
Вот сейчас я вздрогну от звонка!

Я сказал бы, тихий от смущенья,
Как мне тяжела неправота,
Я сумел бы вымолить прощенье...
Но давно порвались провода!

Мне глаза голубые, как волны Катунь,
Никогда не забыть, ни за что не забыть...
Помню тропку в лесу, помню звезды в июне —
Те, что нас научили друг друга любить...
Где же нежность твоя? Где же слово привета?
Все ушло, говоришь ты. Ушло — по куда?
Я пойду, я найду — хоть на краешке света,
Приведу — ведь, согласно законам планеты,
Здесь ничто не должно исчезать без следа!
Или все растворилось в пространствах
беззвездных.
Как дыханье — в ночи, как туман — над рекой?
Я стою у окна — и на стеклах морозных
Белый блеск, снежный блеск осязаю рукой.
Наша встреча, глаза твои, звезды над чашей
И тропинка, где шли мы в предутренней мгле, —
Все вместилось теперь в этот резкий, слепящий
Белый блеск, снежный блеск на оконном стекле!

БАЙАННОР

Байаннор — это синие чаши озер
На ладонях оранжевых гор.
Байаннор — скакунов быстроногих полет
И широкий, как степь, разговор.
Байаннор — это лунные лики долины,
Красных скал немота.
Байаннор — это храбрые девушки гор,
Это — горца мечта...
Байаннор — это эхо далеких вершин,
Это песня земли,
На верблюжьей тропе колокольчиков звон,
Прозвучавший вдали.
Это запад монгольский — Ойрат и Тербен,
Это Монголистан.
Колыбель кочевых легендарных племен —
Улегей и Байан.
Это вечных верблюдов медлительный шаг,
Как столетия назад.
Это вслед торопливым колоннам машин
Их презрительный взгляд.
Байаннор — отрешенье от долгого сна,
Застоявшейся тьмы.
Байаннор — это в девственной сини небес
Новых фабрик дымы.
Это радиомачты, как в небе клинки,
Дорогие рубины огней.

Это древние юрты в верблюжьей кошме,
Вековечного снега белей.
Это старых казахских узоров ковры
Устилают полы,
Это щедрых фарфоровых чаш белизна,
Что, как луны, круглы.
Шесть пиал, проплывающих вокруг очага, —
Шесть фарфоровых лун,
И улыбка хозяина в черных глазах
Под журчанье струн.
Будто сродные братья у нас языки,
Будто встретились вот
И, векам, разделяющим нас, вопреки,
Брата брат узнает.
А над юртою ветер вздыхает в ночи,
Вьет песок по стене.
А над юртою, небо деля пополам, —
Млечный путь в вышине.
И под шелест песка запеваает казах,
Об отчизне поет.
— Байаннор — ты любовь молодая моя, —
Он поет.
— Байаннор — нет на свете быстрее коней, —
Говорит.
— Байаннор — нет на свете красавиц
стройней, —
Говорит.
— Байаннор — если б не было в мире тебя, —
Говорит.
— Байаннор — как бы жил я, другую любя? —
Говорит...

— Байаннор — это двери к хорошим друзьям. —
Я пою.

— Байаннор — будто брат среди братьев
я там, —

Я пою...

Летят над вершинами тучи,
Замглило вдали.
За мглою, за тучей летучей
Трубят журавли.

В дожде и снежинках колючих
Все в даль отошло.
За осенью, словно за кручей,
Осталось тепло.

ОСЕНЬ В ГОРАХ

И зачем я брожу
По туманным горам?
Мои думы ношу
К голубым облакам?

Или где-то на круче
Ищу, одиночек,
Возле кедров могучих
Волшебный цветок?

Он лишь в сказках да в снах...
Просто лист золотой
Осыпает в горах
Березняк молодой.

Просто белый туман
Лег в низине седой,
Журавлей караван
Потянулся домой.

С гор спустились стада
В край туманных долин.
Остаюсь я один,
Остаюсь я один.

А в ушах вековая
Звенит тишина,

Лишь речонка шальная
Щебечет одна,

Как лесная синица:
Куда ты? Куда?
Будто в ней и таится
Живая вода...

Осень. Ясности время.
Даль тиха и светла.
Горы медные дремлют,
Будто колокола.

Ни снегов, ни тумана,
Лишь бронза осин.
Только дрогнет вдруг странно
Стеклянная синь.

Будто гуд разольется,
Прозрачен и чист,
И к плечу прикоснется
Сорвавшийся лист.

Словно дрогнула где-то,
Лишь сердцу слышна,
Уходящего лета
Тугая струна...

Я — АЛТАЕЦ

Я — долина,
 все ветры хлестали меня,

Я — тайга,
 все снега засыпали меня.

Я конец, я начало родной земли,
Из груди моей песни взошли.

Я — алтаец, народ.

Я хозяин долины и хребтов.

В моем сердце рубцы

От несчитанных стрел и клинков.

Я похож на дорогу,

По которой столетья шагал.

Я — алтаец.

Где кости того, кто меня убивал?

Где богатство того,

Кто веками мой хлеб отбирал?

Я горбат,

Я сутул —

Сто веков на хватчика спину я гнул.

Камни в пыль перетер я ногами

На дороге, где счастье искал.

Дым костров кочевых

Мне столетья глаза выедал.

Я укрылся в горах —

Я ушел,

 я погиб,

 я исчез.

Я — алтаец.

Я — жив.

Я из мертвых

свободным

воскрес.

Я до капли из вен

выжму старую рабскую кровь.

Человек меж людей,

Жизнь свою начинаю я вновь,

Я — алтайский народ!

МАЛЕНЬКИЙ ХУДОЖНИК

Мой мальчик, что он рисовал?
Ракета мчится выше крыш.
А сам художник спит. Устал.
Умаялся малыш.
В ручонке карандаш цветной,
А рядом автомат
И шлем с буденновской звездой —
Тревожен сон солдат.
Он и во сне все на коне —
Опять, видать, поход.
Хоть карандаш отдал бы мне —
Никак не отдает.
Сжимает, как стальной клинок
Под шквальное «Ура!».
Совсем измучился сынок —
Какая там игра!
Огонь кругом, кругом враги,
Рубить герой устал.
Опять уходят беляки
За перекопский вал!..
Так что ж ты рисовал, малыш?
Что на листке твоём?
Ракета мчится выше крыш.
А это — космодром.
А это — солнце. А вот тут —
Планеты над землей...
Давно людей планеты ждут.

Расти скорей, герой.
Пусть снятся звезды, мальчик мой,
Прекрасен этот сон.
Ты под счастливою звездой
Страны своей рожден.
Пускай рисунок твой пока
Неловок —
Не беда:
Она не так уж далека,
Далекая звезда.

Стреляют почки, как хлопущки.
Луна, как хлеба каравай.
Поет кукушка на опушке:
— Родимый край не забывай!
Мигают звезды мне устало,
Тоска на сердце — через край.
Гудки гудят на всех вокзалах:
— Не забывай родимый край!
Опять весна стучится в сердце;
— Скорей вещички собирай,
Душе своей и мне доверься —
Не забывай родимый край!

СОН

Было больно — ни разу не крикнул: «Отец!»
Было страшно — ни разу не пикнул: «Отец!»
Было трудно — ни разу не плакал: «Отец!»
Только знал,
Что есть слово такое — отец.

А кому б я сказал, малец,
Это слово?

Только что это нынче случилось со мной?
Этой ночью кричал я во сне сам не свой:
— Папа! Папа!

Был разрушенный город, объятый огнем,
И не знал я, где я,
И не знал, где мой дом.
И уходит на запад последний отряд —
Лишь качанье штыков,
Лишь молчанье солдат.

Я узнал его сразу.
Я бросился в строй,
За шинель ухватился:
— Отец, ты живой?!

Но отец уходил, молчалив и высок,
Только тихо сказал:
— Опоздал ты, сынок.

— А когда вы вернетесь?
Куда вы сейчас?
— Опоздал ты.
Никто не вернется из нас. —

И пошел на закат
Молчаливый отряд,
И дрожала заря
На штыках у солдат.
И горели вдали города, города,
И я понял, что я
Опоздал
Навсегда...
— Папа! Папа! Постой! —
Я бежал вслед за ним.
Но шагали бойцы,
Точно тени, сквозь дым.
И никто не хотел обернуться назад,
И горел впереди молчаливый закат.

...Что случилось со мною?
Тоска ли моя
Унесла меня вдруг
В те года, в те края,
Что живут, словно тени, в потемках сердец
Чтобы встретиться где-нибудь
Нам, наконец?

Я проснулся.
Как дорог мне сон ночной:
Хоть во сне, мой отец, побывал я с тобой,

Карандаш я сжимаю,
Смотрю на листок:
— Опоздал я, отец.
— Опоздал ты, сынок.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Давно отгрохотали канонады.
Распаханные дали хороши,
И новых строек высятся громады,
И в скверах в мяч играют малыши.

Поюг ветра. Дожди летят косые,
Слетает с яблонь белая пыльца.
А я все еду, еду по России —
Ищу отца. Хотя бы след отца...

Проходит ночь — и вновь глядит резная
Заря в мое вагонное стекло...
Какая же надежда, сам не знаю,
Ведет меня всем логикам назло?

Кого спрошу я? О какой примете
Вести мне речь? Какой припомню знак?
«Он шел вперед. Он пал лицом к победе...»
Я знаю, хоть не видел: было так!

Но, глядя очень добро и устало,
Мне говорит стареющий майор:
— Лицом к победе столько храбрых пало.
Иначе б мы не встретили ее! —

Он прав, прибавить нечего. И снова
Я свой вопрос веду издалека:

Не помнит ли солдата пожилого —
Такого добряка, весельчака?

— Да, помню,—говорит он,—помню многих,
Я помню юных, помню пожилых,
Веселых, добрых, мужественных, строгих —
И вместе всех, и каждого из них.

О, сколько спит их на родных просторах,
Где плеск ручьев и шепот ковыля,
Безвестных, безымянных, о которых
Лишь знает ветер да сыра земля... —

Смеркается. Мы умолкаем оба...
А утром я на станции схожу
И спрашиваю в поле хлебороба,
Не помнит ли, не скажет ли...

— Скажу:

Его могилу не ищи напрасно,
Могил безвестных много на Руси.
Взгляни вокруг: огромна и прекрасна
Лежит земля — ты у нее спроси,

Спроси у ветра, что летит по свету,
Колосья полновесные клоня.
Спроси у них. Прислушайся к ответу.
А мне пора. Ты извини меня... —

Я вновь один. Кружат над степью птицы,
Лежит простор без края и конца,

Шумят хлеба — и в шорохе пшеницы
Я слышу голос павшего отца...

Я говорю: пусть будет все как надо,
Пусть звонкий стих рождается в тиши,
Пусть новых строек высятся громады,
И в скверах в мяч играют малыши.

Пусть юноша цветы несет невесте,
Пусть свежий хлеб вздыхает на столе,
Пусть жизнь идет, пусть никогда без вести
Не пропадают люди на земле!

КЕДРЫ ГИБНУТ

...Разве смола это?

Нет, это слезы

Наземь сочатся струйкой живой.

Зубья

железные

леспромхоза,

Электропил торжествующий вой.

Словно народ, нападения не ждавший

И обреченный на верную смерть,

Гибнут

Столетние кедры наши.

Гибнут,

И страшно на это смотреть.

Вы, столько лет шумевшие кедры!

Нас понимать умевшие кедры,

Вечно зеленые,

Стройные кедры,

В небо влюбленные

Мощные кедры,

В самое пекло дарившие тень —

Вот он пришел, ваш последний день.

Кедры,

Вы судьбами людям сродни,

С богатырями алтайскими схожи —

Словно они, погибнете тоже,

В песне останетесь, словно они,
Жизнь вы дарили зверю и птице,
Оберегали земли и воды.

Да!

Ваша песня навек сохранится
В сердце народа, в песне народа.
Благодарю вас за тень над привалом,
Благодарю за защиту от ветра.
Мало на свете осталось вас,

мало.

Мало осталось —
Падают кедры.

ДУМА НА СТАРОМ ПЛАЦУ

Наш плац — в лесу. Площадка, а за нею
Почти до неба сосен строй живой,
И мы стоим, как сосны зеленея,
В своей солдатской форме полевой.

Седой полковник, ветеран разведки,
Приказ читает нашему полку...
Но вновь и вновь его с лохматой ветки
Перебивает мирное «ку-ку!»

Полковник строг. Им век нелегкий прожит.
Немало битв он видел на веку.
Но даже он улыбку скрыть не может
В ответ на это нежное «ку-ку».

Смущено улыбается — и снова
Глядит на нас, как прежде строгим став...
И, право, нет здесь ничего такого,
Что нарушало б воинский устав!

Вот мы стоим плечом к плечу — солдаты,
Вот я стою, а вот — мой лучший друг...
Вполнеба светит зарево заката,
И строем сосны замерли вокруг.

И кажется: уже не сосны это —
Нет: отшагав немалые концы,

Пришли с войны, в защитное одеги.
Взглянуть на смену войны-отцы.

Они глядят, и взгляд их прям и весок.
И слышен сердцу говор их живой.
И мы стоим, как молодой подлесок,
В своей солдатской форме полевой.

Что ж, скажем мы, настали наши годы.
И мы клянемся вашему полку,
Что сбережем и пашни, и заводы,
И шум ветвей, и тихое «ку-ку».

Пусть век шагает, дали открывая,
Пусть солнце льет на землю щедрый свет.
И пусть кукушка наша полковая
Нам накукует — всем! — по сотне лет!

Нет,
я не Прометей.
Я — алтайский кайчи¹.
Но меня
бог жестокий
к скале приковал,
Грудь мою
дракон рвал из Урумчи,
И двуглавый орел мое сердце клевал.
Мое сердце.
Мои, точно звезды, глаза...
Чтоб не видел я в черной ночи ни зги.
И когда
на глаза набегала слеза,
Как они веселились, мои враги!
О пощаде врагов никогда не моли.
И хоть был я прикован
К скале ледяной —

¹ К а й ч и — певец, сказитель, импровизатор.

Пел я братьям моим,
и враги мои
Ничего не могли поделать со мной!
И летели искры из сердца в ночь,
Озаряя рабства страшную ночь.
Так старался я братьям своим помочь,
Чтоб сумели злую судьбу превозмочь.
О Алтай мой,
с белых твоих вершин,
От застывших стен ледяных белков,
Я,
твой в вечные цепи закованный сын,
Над тобою склонялся столько веков!
Плакал я
и песни пел о тебе,
О тебе,
о горькой твоей судьбе.
Нет, я не Прометей,
но прикован я был
Той же цепью тяжелой к скале ледяной.
Кто меня не терзал,
Кто меня не бил,
Чтоб замолк я,
чтоб песню свою забыл, —
Ничего не могли поделать со мной!
Сто народов исчезло с лица земли,
Сто сменилось племен,
миновали столетья;
Где когда-то орды захватчиков шли,
Со степным ковылем говорит теперь ветер.
И заброшенный в дымные юрты судьбой

Мой народ, приученный жить на коленях,
Поднял на ноги

и повел за собой

Человек по имени ЛЕНИН.

И, свободный от ледяной тишины,

Полной грудью вздохнул я

и руки поднял,

И раздвинул я тучи,

и стали видны

Звезды полночи,

яркое солнце полдня.

Нет, я не Прометей,

но несу я огонь

Песни той, которую мы не забудем,

Той,

что вынесла пытки,

ушла от погонь

И, живая,

пришла к сегодняшним людям.

Нет, я не Прометей,

я — алтайский кайчи.

Мой огонь — это песня, горящая в сердце.

Я разжег свой костер под кедром в ночи.

Подходи —

чтоб возле костра отогреться.

ДОЧКЕ

Ты уснула. Как дыханье ровно!
Как тиха полночная пора!
И глазенки маленькие, словно
Два цветка, закрылись до утра.

Чуть заметно вздрагивают губы,
Сон твой легок и по-детски прост...
Город спит, закутан теплой шубой
Ночи — в ярких пуговицах звезд.

Лишь отец твой, жизнь свою листая,
С думами не спит наедине.
Ты не слышишь, как с вершин Алтая
Песня приближается ко мне!

В сладкий плен захваченная снами,
Тихая и теплая, пока
Ты не видишь, дочка: встал над нами
Купол неба — вместо потолка.

Ты не видишь: позванные мною,
Все цветы с полей родной земли
Пестрой, шелестящею волною
У твоей кровати расцвели.

Ты увидишь это — будут сроки, —
Сможешь все услышать и понять...

Но едва написанные строки
Накрест перечеркнуты опять,

Потому что на земном просторе —
Не одни цветы и синева,
Есть борьба, тревоги, слезы, горе,
Гневные и горькие слова.

Не на жизнь, а насмерть длится схватка,
Жизнь и смерть сошлись на «пяточке» —
В тесном мире, где твоя кроватка
Встала в затаенном уголке.

Я — отец. За жизнь в ответе дважды,
Я стоять не вправе в стороне...
Оттого я, дочка, ночью каждой
С думами не сплю наедине!

Я — МАЙЯ

Что ж мне снятся пожары былые
В красном мареве дальней зари —
Пирамиды в дыму золотые,
Вековые в огне алтари?
Нет давно уж ни инков, ни майя,
Нет космических их городов —
Кто ж мне шепчет, что я понимаю
Позабывшие знаки их слов?
Вы ушли, вы погибли, вы пали,
Жег вас порох, свинец вас косил.
Чужеземцы, они хохотали
У языческих ваших могил.
Сожжены и развеяны прахом
Золотые легенды веков.
Как кощунственно ржали монахи
Над бессилием ваших богов!
Где он умер, последний из майя —
Жрец, провидец движенья светил?
На каком он костре, умирая,
Тайну предков с собой уносил?
На века, навсегда, в бесконечность.
От врагов, от друзей, от людей.
Почему же я вижу сквозь вечность
Дым костров, слышу ржанье коней?
Почему на вершинах Алтая
Он мне снится в дыму и огне,

Жрец последний из племени майя,
Простирающий руки ко мне?
Позади нас курганы, курганы,
Конский след да кибитки в пыли...
Сквозь века, сквозь легенды,
сквозь страны

Что с собою мы в мир принесли?
Нас никто не обидит, я знаю,
Хоть и мал ты числом, мой народ,
Только снится: я — майя, я — майя,
Обжигает мне руки восход.
Только снится: курган, где лежу я,
Не унесший ни тайны с собой,
Изучают, как тайну кечуа,
И лопаты звенят надо мной.
Как стихов моих блеклые строки
Кто-то бледной рукой достает.
Всходит солнце над пиком высоким.
Что скажу о тебе, мой народ?

МРАМОРНЫЕ ГОРЫ

Как раскат громовой
Сотрясает недвижные горы!
Будто в недрах
От хохота
Древний трясется базальт,
Будто скалы звенят,
Как стекляшки апрельских сосулек.
Кто сказал мне, что камни молчат?
Лишь прислушайся —
Слышишь? —
Дрожь летящей струи водопада,
Свист болида
В пустынной космической мгле.
Под прохладными кедрами
На груди у родного Алтая
Чуткий мрамор поет,
Как струна на звенящем колке.
Я не раз их видал,
Благородные линии статуй,
Тихий отсвет улыбок
На лицах античных скульптур,
Но ни разу не слышал,
Чтоб пел их отзывчивый мрамор,
Он всегда молчалив:
Он на родине только поет.
Надо камню, чтоб ветер
Со свистом метался в ущелье,

Там, где сердце стучится
В груди белокаменных гор.
Впрочем, что я о камне?
И ты безголос на чужбине,
Человек, —
Там никто не поймет твоих слов.

Как бы я тоску нарисовал,
Если бы художником я стал,
Что изобразил бы на картине?

Журавлей, летящих в дали синей?
Медленный октябрьский листопад?
Друга над могилой свежей друга?
Или, может, замечает выюга
Чей-то мертвый, позабытый сад?..

На кричащем проспекте Стамбула,
Под поблекшей рекламной луной
Плохо выбритый, мятый, сутулый
Человек поравнялся со мной.
По-английски, турецки, французски
Клокотала вокруг толпа.
И спросил он меня: «Вы — советский?»
И ему я ответил: «Да!»
«Снег, наверно, теперь в России...» —
Очень тихо сказал он мне,
А глаза его громко просили:
«Расскажи о моей стране!»
Видно, ветры с Черного моря
В этот вечер к нему принесли
Не на радость ему, а на горе
Запах влажной российской земли.

Видно, дальний гудок пароходный
Вдруг напомнил ему в этот миг
Журавлей улетающих крик
Над великой рекой полноводной.
Я ему в глаза заглянул:
«Есть ведь рейс Одесса — Стамбул!..»
Тронул галстук он, плохо завязанный,
И ответил, взглядом скользя:
«Мне в Россию пути заказаны.
Мне в Россию вернуться нельзя...»
Кто он?
Власовским был ли солдатом?
Был убийцей ли из-за угла?
Как же нужно быть виноватым,
Чтоб Россия простить не могла!
Там, у нас, в Москве или Туле,
Первый снег на землю летит,
И по этому снегу
В Стамбуле
Иностраный русский грустит.

Пусть моя Отчизна далеко!
Под какой бы ни бывал я крышей,
Мне повсюду дышится легко,
Я везде ее дыханье слышу.
Завтра уезжаю я в Москву.
Здесь сегодня мой последний вечер.

Если рисовал бы я тоску,
Я бы вспомнил вот об этой встрече.

ПОЭМЫ

ГОБИ-АЛТАЙ

Произносят монголы «Гоби-Алтай».
В дальнем городе слышу слово «алтай».
Говорят о золоте — снова «алтай»...
Подождите!
Алтай — это мой край,
Что ж повсюду «алтай», «алтай»?

Говорил в стамбульской мечети мулла,
И я слышал, как окна, купол, алтарь

Повторяли за ним не «Иллях иль алла»,
А опять: «О Алтай! О Алтай! О Алтай!»
И сыны Магомета в белых чалмах
Повторяли эти слова за муллою:
«О Алтай!»

Да что же им в этих словах?

Ведь они не знакомы с моею землею!

Им, внимающим шепоту теплой волны,

Что им имя моей суровой страны?

Или древнею родиной их была

Та земля, где ютилась в горах Улала?¹

О Алтай!

Твое имя — из края в край,

Столько взглядов сошло на тебе одном,

Может, ты только сказка для верящих в рай?

Да, прекрасная сказка о рае земном?

Или, может быть, в глубине времен

Был ты общею родиной всех племен,

Тех, что двинулись к северу,

К югу ушли,

Чьи следы в вековой затерялись пыли?

Потому что калмык из далеких степей,

Потому что живущий поближе бурят

О тебе, как о родине древней своей,

В своих песнях и сказах и сейчас говорят.

О Алтай, Хан-Алтай, голубой хребет!

Ты — создатель разноязыких легенд!

О Алтай, Хан-Алтай, хребет голубой,

Столько разных народов сроднилось с тобой!

¹ У л а л а — старое название Горно-Алтайска.

Голубой над камильницей движется дым.
Бритый лама молитву Будде творит,
Тихо-тихо молитвы слова говорит.
И опять я встречаюсь со словом родным!
А молящиесяпадают ниц,
Но глядят мимо них Будды глаза,
И не скатится ни одна слеза
По щекам золотым с золоченых ресниц.

Не поил я водой керуленской коня
И не шел над Орхоном, оружием звеня, —
Путешественник, гость я в этой стране,
Где объятья друзей раскрываются мне.
Он давно снял овчинную шубу, монгол.
В черный фрак или смокинг теперь он одет.
И слова «интервью», «министры», «прием»
Вижу я на страницах монгольских газет.
Где вы, дымные юрты старой Урги?
Утопают в мягких коврах шаги.
Иностранец взглянет — скажет: «О'кэй!
Я не ждал здесь встретить такой отель!»
А монгол в ответ улыбнется ему:
«Что о юртах сказали Вы, не пойму?
Не устал ли в пути, господин посол?
Как посол столицу нашу нашел?»

Он во фраке стоит, монгольский министр,
Улыбается он, принимает гостей...

Но к нему пригляди́сь:
Как в движеньях он быстр!
На коня бы ему
И — в просторы степей!
Здесь грохочут по древним степям поезда.
Вырастают на древней земле города.
Бог ты мой, как бескрайня земля!
Сколько ей еще надо людского труда!
Ты попробуй измерить монгольскую степь,
Сколько гор здесь, попробуй-ка сосчитай!
Сколько верст в той степи —
У верблюдов спроси.
Сколько гор —
У горной козы узнай.
Ехал я по огромной этой стране
(«Голубой Керулен, золотой Онон...»)
И орхонские камни,
Как двери,
Мне раскрывались,
Ведя меня в глубь времен.
И ко мне подошел возле этих скал
Ясноглазый старец с седой бородой.
То каган Бильге¹ меня разыскал
Через тысячу лет
Над орхонской водой!
И о бедах своих он повел рассказ,
Как погиб в бою Кюль-Тегин² герой.

¹ Бильге — древнетюркский император.

² Кюль-Тегин — древнетюркский полководец.

И катились горькие слезы из глаз,
И трава от слез становилась сырой.
Я очнулся.
Заката горит полоса.
Я взглянул на траву — сверкает роса.
А на камне — свидетеле давних времен —
Четкой клинописью тот рассказ повторен¹.

Встань, земляк мой, читатель мой,
рядом со мной!
Полюбуйся этой страной.
Я хочу, чтобы в сердце запали твои
Все прекрасные песни и сказки твои.
Вот мы едем по древней земле Калхи.
Я читаю монголам свои стихи,
И не гости для них мы оба с тобой —
Сыновья, навещившие дом родной.
Вот мы едем...
А степь вокруг широка,
С пересохшей от жажды рыжей травой.
Бесполезные движутся облака —
Без единой дождейки — над головой.
«Газик» наш отмерил столько дорог!
Вот он, Кара-Корум,
Вот он, черный поток².

¹ Орхонские надписи.

² Кара-Корум — древняя столица Монголии («Черный поток» — *тюрк.*).

Здесь когда-то был город — движение, шум,
Здесь Чингиз Шести Сторонам угрожал,
И любой человек в испуге дрожал,
Лишь услышит слово «Кара-Корум».

Тишина.

Только конь вдалеке заржал.
Из пустыни люди сюда пришли
И в пустыню пустынь навсегда ушли.
А когда-то алыпы¹ гнали сюда
Из ограбленных стран рабов и стада.
И когда-то здесь на коленях ползли
Прах у ног целовать Властелина Земли.
А когда-то, покинув ханский дворец,
Здесь взлетел на коня ханский гонец,
И летел он быстрее быстрой борзой,
Всем грозя со вспотевшего лба пайцзой².
Конь его запален, изорвался халат,
Но рывком он распахивал двери палат,
И кривые ноги его несли
Прямо к трону,
И падали короли!

Здесь, где были и слезы, и кровь, и пот,
В теплой юрте транзистор теперь поет,
И с портрета на войлочной стене

¹ Алыпы — монгольские воины.

² Пайцза — золотая пластина, крепившаяся на лбу или груди, знак чрезвычайного ханского гонца.

Улыбается
Юрий Гагарин мне.
Говорят, что с Алтая приехал гость.
Мне подносят с мозгом сочную кость.
И верблюжьим кумысом меня поят.
И расспрашивают о моих новостях.
И я вижу: мне рады и стар и млад.
И я вижу: я дома, а не в гостях.
И, в халате желтом, в овчинных штанах,
Страж развалин, старец, бывший монах,
Дарит мне голубого шелка кусок,
Говорит: «Это неба нашего часть.
Он, как небо Монголии, чист и высок,
Над душою людской он имеет власть...»
И его я долго благодарю.
(До сих пор голубой талисман храню.)
А монголы поют, на коленях присев,
И я вместе с монголами тоже пою,
И далекий-далекий забытый напев
В этой песне монгольской я узнаю.
Это тихая песня, как шелест песков.
Это древняя песня — ей много веков.
И напев этой песни суров и угрюм.
Эту песню слышал Кара-Корум...

Грозный город!
Ты здесь возводил дворцы,
Здесь, в песках, истлели твои творцы.
Прожил ты, столько жизней других погубя.
Песня! — все, что осталось здесь от тебя.

Будь же славен народ, идущий вперед,
Что в дорогу не копыа, а песни берет!
Будь же счастлив народ, что сумел сберечь
Песню древнюю, а не заржавленный меч!
Тот народ, что сумел сквозь века пронести
Настоящую Славу,
Настоящую Честь!

Говорят монголы: «Гоби-Алтай».
Степи голы. Где же Гоби-Алтай?
Ведь Алтай — это горы, гористый край!
(Я-то знаю: Алтай — это мой край.)
Разрезая синий воздух степной,
Вдруг скала вырастает передо мной.
Так века шлифовали ее бока,
Что сверкает она, словно грань клинка.
Над скалой белостенный город встает,
Рядом с ним голубые пальмы встают,
В их подножья зеленые волны быют,
Караван верблюжий вдоль стен идет.
И я вижу: воинов движется ряд,
И стальные клинки на солнце горят.
Вдруг исчезло все.
Значит, это мираж?
«Да, мираж, — мне шофер объясняет наш, —
Просто солнца лучи отражает скала,
И в нее мы глядим, как глядят в зеркала,
И себя мы видим. и небо, и степь...»

Но я видел верблюдов длинную цепь!
Но я воинов видел и город вдали,
Видел море, быющее в край земли!
Вот куда мои думы меня завели...
Это Азия-мать, колыбель моя,
Из преданий своих мне приносит моря
И показывает над песками мне
Все, что в песне я слышал и видел во сне!

Мы ночуем в степи. Мы разводим костер,
И шофер наш, привыкший к дыму костров,
Нам готовит на ужин нехитрый шашлык,
Для него пустыня и стол и кров.
И Сурен, мой давний монгольский друг,
Мне рассказывает о былых временах.
Говорит, что разбросаны были вокруг
Кости странных зверей, наводящие страх, —
Динозавров.
Прошли миллионы лет,
Эти ящеры вымерли,
Но до сих пор
У того, кто увидит динозавра скелет,
Диким ужасом искажается взор.

Над ночною пустыней встает луна,
И на грани скалы свет бросает она.
Облик Азии — девушки молодой
Предо мною встает с зеркального дна.
И волненье невятное сжало грудь.
Ночь,

А я не могу уснуть.
Здесь, в песках,
Тяжело и хрипло
Дыша,
Древней Азии шевелится душа.
Я лежу и слышу: пески поют.
Слышу я табунов истлевших гуд.
Вижу я: сквозь века караван идет,
Различаю времени мерный ход.
Но я знаю, что это просто скала
Отражает минувшее,
Как зеркала...

Сердце бьется, удары поди сосчитай!
Вот он и начинается, Гоби-Алтай.
Здесь вот он начинается.
И нигде не кончается...

Надо мною небо родное качается...

ТИЙИН

Стремнины полны облаками,
И холодом воздух пропитан,
И в пропасть срываются камни,
Задетые конским копытом.
Тут замерло время. Застыло.
Безмолвны ущелья, террасы...
Вдруг выйдет внизу из аила
Батыр Байбарак¹ седовласый.
Костлявые руки протянет:
— Где сын мой, ответьте мне, горы...
Зубцы каменеют в тумане,
И эхо протяжно, как горе.
Река Кадрийини все сильнее
Бушует в крутых берегах,
Вблизи переправы белеет,
Как снег, голова старика.
И гусь приплывет из тумана,
На крыльях посланье неся,
Девчонка с ведром берестяным
Придет и поймает гуся.
На крыльях заветные строки
Тепло и мольбу принесли...
Дики и угрюмы отроги.
И слезы в глазах. А вдали
Ревет Кадрийини, стар и вечен,

¹ Б а й б а р а к — герой алтайского эпоса.

И днем и вечерней порой.
Аил Байбарака под вечер
Синеет за синей горой.
Теперь тут живет мой знакомый
Пастух и охотник Тийин.
Очаг полыхает. Он дома.
Он думает, курит один.
Давно в этом старом аиле
Живет он с женою Чечек.
Он помнит сказанья и были,
Он старый уже человек.
И пусть приближается осень —
Сто весен еще впереди...
Старик орден Ленина носит
У сердца на гордой груди.
Он знатный пастух. Он достоин.
Он крепок, как кедровый ствол.
Он в ратное время был воин
И целых полмира прошел.

Средь древних сказаний один
Курю я со старым Тийином.
Смеется река Кадрийин
И кружится в танце старинном.
На светлых волнах хоровод
Уже облака закружили,
И пиков вершины склонились
И стали видны в дымоход.
Их хочется трогать руками,
Но так неприступен их ряд...

Качая крутыми рогами,
Сегодня маралы трубят.
Туман на вершинах уселся,
Закрыв от восхода жильё...

Аил — он по форме как сердце,
Аил — это сердце мое.

Молчат успокоенно горы,
С вершин ярко светится снег.
И скот успокоен в загоне.
И сел к очагу человек.
И пламя под варевом стонет,
И слышатся шутки и смех.
«Ну нет тебе вечно покоя! —
Чечек разворчалась. — Один
Все прыгаешь. Имя такое —
Все правильно: Белка — Тийин.
Эй, Белка-Тийин, ты дровишек
Подкинул бы лучше в очаг».
«Чечек мой, цветочек, я слышу, —
Негромко старик отвечал. —
Когда говоришь ты нестрого,
Тогда уж я, Белка, — герой.
Когда ж ты сердита немного,
Я — Эрлик коварный и злой.
Что в шутке плохого? Не знаю...»
Негромко смеется старик.

Чечек снова чай наливает,
Смущено и молча стоит.
А где-то шумит Кадрийин
Раскатами стона и смеха,
И бродит бессонное эхо.
Блуждает меж гор и долин.
Как рог стookтавный, звучит... —
То песня Алып-Манаша¹.
Он вдаль уезжает. Спешит.
И горы застыли на страже.
И жаль мне кого-то. И вдруг,
Когда тишина, словно дрема,
Я слышу: в ней есть странный звук,
Как будто певец незнакомый
Безмолвною песней своей
Тревожит могучие горы,
И если прислушаться к ней,
То слышатся шепот и говор
Давно уж угаснувших дней,
Ушедших в былое людей.

Тут много пришельцев бывало
С мечом. И в тот год шла война.
За склоном вблизи перевала,
Жила там алтайка одна.

¹ Алып-Манаш — герой алтайского эпоса, сын Байбарака, был предан другом, послал письмо из плена на крыльях гуся.

Красавица — девушка та ли,
Что снится и грезится нам?..
Враги ее в жертву отдали
Своим ненасытным богам.
Схватили — что может быть хуже? —
Костров полыхали огни..
И там же в родном Яйлагуше
Над шеей той девушки дружно
Мечами взмахнули они.
Долина есть Девичья Шея
С тех пор. Чужеземцы-враги
Спешили тогда все смелее
Вперед. Говорят старики,
Что шли чужеземцы к вершине,
Что гром прогремел, говорят,
Судьба свое дело свершила —
На войско пошел камнепад..
Еще существует преданье
(Мне кажется, правда в нем есть):
Врагов у вершины у дальней
Настигла народная месть.
Он войско привел, юный витязь,
Чтоб мстить за народ, за сестру.
С врагами не первый раз видясь,
Он их окружил. Поутру
Умолкла жестокая сеча,
Лишь ветры стонали вдали,
Костры догорали, как свечи,
И гасли. Тут все полегли.

Старик предо мною. Я знаю:
Он крепок и мудр. И не прост.
Он будто бы слился с Алтаем,
Он часть этих гор, этих звезд.
Под кедром любим, как в аиле,
Уютно ночует один.
По тропам, где козы ходили,
Спокойно пройдет мой Тийин.
Он весел под ветром колючим.
Кинжал его звонок и чист.
А если идет он по кручам,
Отстанет любой альпинист.
Ружье-переломка стреляет
Без промаха. Наверняка.
И гулкое эхо гуляет
По самым краям ледника.
«Здесь плохо, в горах, городскому,
Перины, дивана здесь нет. —
Смеется Тийин. — Здесь не дома».
Смеется. Что скажешь в ответ?
«Уж очень вы нежными стали.
И что с вами будет теперь?
Какой ты, скажи мне, алтаец,
Коль холодно летом тебе?
Когда-то в далекие годы
По этим тропинкам у скал

С отцом я твоим на охоту
Ходил на крутой перевал.
Спать ляжем. И снег заметелит,
Накроет. А нам нипочем...»

Молчит. И кошму свою стелет,
Своим укрывает плащом.
К огню сам ложится. И снова
Пьет чай, повернувшись ко мне.
А горы черны и суровы
И еле заметны во мгле.
Сова глухо ухает где-то
И дико хохочет впотьмах.
Тийин недоволен — примета! —
Плохая примета в горах.

«Проклятый шайтан, что почуял?.. —
Плюется он, Белка-Тийин. —
Наверное, ходим впустую...»
Но щедр и богат Кадрийин.
Всегда здесь полны арчимаки¹,
Охотник с добычей всегда.
И крепок вкус нашей араки²,
Чиста и студена вода.

Мы тут за свободу сражались,
Тут звезды горят, как глаза,
И в черные горы впитались
Погибших бойцов голоса.

¹ Арчимаки — охотничьи сумки.

² Арака — молочная водка.

От древних суровых преданий
Вдруг сердце заныло в ночи.
У скал, у замшелых, у дальних,
Ударилсь звонко мечи.
Клинок, а не молния, сталью
Ночной небосвод разрубил.
И витязь на том перевале
В бессмертный свой рог затрубил.
И плечи как будто прижались
К плечам. Силу чувствую я.
С глазами глаза повстречались.
Судьба моя, доля моя!
В глазах моих вспыхнул внезапно
Свет тысячи глаз, свет клинка...
Вдоль скал по ущелью на запад,
Качаясь, плывут облака.
Сверкнуло неожиданное утро
Далекой полоской огня,
И горы бессонно и мудро
Глядят на рождение дня.
Прошел снежный барс перед нами
И яркий рассвет завершил,
И вспыхнуло желтое пламя
На снежных коронах вершин.
О мой Хан-Алтай, словно разум,
Сверкаешь вверху, впереди!
Алтай мой, трехгранным алмазом
У Азии лег на груди.

А в узкой долине согрелся
Аил — сердце гор и жилье...

Аил — он по форме как сердце;
Аил — это сердце мое.

Куруется дымок из аила.
Уж вечер. В долине темно.
Старуха араку сварила —
Сварила хмельное вино.
Тийин только выпил хмельное
И стал без конца причитать:
«Архар стоял рядом со мною,
А я промахнулся опять.
Пошел я за рыбой, но быстро
Все рыбы ушли под волну.
Неужто в глазах моих искры
Потухли в былую весну?
Ружье-переломка, наверно,
Вдруг стало кривым. Кто поймет?..»
Сидит он, качается мерно...
В колени ладонями бьет.
Чечек возражает устало:
«Ну что же ты? Гость у нас тут...
Опомнись! С ума сошел, старый,
Ведь люди тебя засмеют!..»
А горы проснулись от гула,
И снова ясна голова.

Я слышу: река затянула
Певучее, вечное «а-а-а»...
И эхо уносит хоралы,
Уносит, чтоб вновь повторять.
Опять задевают маралы
Рогами за звезды. Опять
Качают нас песни, как кони,
Качают нас в седлах века.
Седеют вершины, и стонет
Седая, в бурунах река.

«А ну-ка, давайте попляшем...» —
И в круг он выходит, старик.
Такого не видел я даже
И к танцам таким не привык.
То пляс это — быстрый, испанский,
То — «шейк», что не встретишь вовск,
Похож он на танец шаманский...
Совсем рассердилась Чечек.
«Ну, старый шайтан, ох уж быстро
Танцует, как старый колдун...
Танцуй! Может, будешь артистом!
Вот, тоже мне, горе-плясун.
Придумал чего бы получше,
Не вытряси только нутро.
Ой, Белка, ты крепко получишь,
Когда опрокинешь ведро».
Мелькают, сменяются краски,
И виснут и глохнут слова,
От этой невиданной пляски
Кружится моя голова...

Тийини еще спит и бормочет,
О чем-то вздыхает во сне.
Очаг позабыл об огне,
Черны головешки, как ночи.

На склонах маралы трубят,
Полны и любви и печали,
От звуков, от зовов маралых
Гранитные горы звенят.
К тенистому лесу иду,
Туда, где есть домик забытый,
Давно одиноко стоит он
У каменных гор на виду.
Единственным тусклым окном
Глядит он на мир отрешенно,
И дверь покосилась на нем,
И все позабыто и сонно
В покинутом домике том.

Я дверь отворяю. И слышу
Я скрип.
Я вхожу в мир иной...
И зев русской печки я вижу,
Чернеющий передо мной.
Так где он,
Хозяин тот давний,
В каких же краях он теперь?

С кровати резной деревянной
Не встанет, не выправит дверь.
Не выйдет он утречком ранним
В притихшие горы с ружьем...
А может, из старых сказаний
Пришел этот сумрачный дом?
Сейчас на метле своей гулкой
Примчится вдруг Баба-Яга,
Нашепчет — и там, над чугуном,
Покажутся черта рога.

Как будто Россин кусочек
Остался тут в доме пустом.
Жил русский.
Давно было очень.
Уехал в Россию потом...
И стала избенка пустая.
И путнику в ней хорошо.
Тут зимнюю ночь коротает
Охотник, что в горы ушел.
Когда-то ходил в эти горы
Отец с переломкой-ружьем.
Когда-то и он в непогоду
Захаживал в старенький дом.

Мне слышится шепот далекий,
Как будто стена говорит.
Я вижу стихов чьих-то строки,
И дата под ними стоит:

«Январь»... И дописано ниже
Отчетливо: «Сороковой».
Здесь песнь о любимой. Я слышу.
Мне чудится голос живой.
Где он в этом мире подлунном?
Быть может, погиб на войне...
И знал ли, влюбленный и юный,
Что кто-то прочтет на стене
Стихи его — здесь, через годы.
Заметны едва буквы эти!
Тут подпись отца...
В свете дня
Вдруг грань между жизнью
и смертью
Исчезла на миг для меня.
Как будто заранее знал он,
Что я в этот домик приду...
Метель его след заметала
В том давнем, последнем году.
Его вечерами мы ждали,
Прислушиваясь к тишине.
И белые горы молчали,
И мгла все сгущалась в окне.
А он приходил в этот домик,
Устав после трудного дня.
Был путь его снежен и долог,
Садился он тут у огня.
И нас, малышей, вспоминал он.
Кружился над крышею снег,
Над крышею ночь завывала.
А в домике слышался смех,

Тут были друзья, были шутки,
Поленья трещали в огне.
Молчал он. И в эти минуты
Грустил. И писал на стене.
Бессильны и ветры, и годы,
И тополь, что снова зацвел...
Шагнула в бессмертие рота,
Отец вместе с нею ушел.
Послышался шум за оконцем.
Иду. Пробудили меня...
Стою, оглушен ярким солнцем,
Сверканьем теплого дня.
Своих торбоков¹ погоняя,
Чечек проезжает. Иду.
За нею я следом шагаю,
Я полон печали и дум.
Вы, женщины, стойкими были.
Во имя тяжелых побед
На слабых плечах выносили
Всю тяжесть страданий и бед.
В раскатах военного гула
Вы были тверды и верны.
И жизнь ваши плечи согнула,
Не все вы остались стройны.
Но все вы душою высоки,
И каждое утро не зря,
Как роза, для вас на востоке
Всегда пламенеет заря.

¹ Торбок — годовалый теленок.

По козым извилистым тропам
Он едет, старик, на коне,
То шагом, то скачет галопом
По горной и древней стране.
В лицо ему хлещут метели,
Седые морозы трещат,
Поземка постель ему стелет,
Призыв ему ветры трубят.
Над ним зажигаются звезды,
Над ним пламенеет восход,
Идет он, и добрый, и грозный,
Простой мой, суровый народ.
Среди этих гор и долин
Так много погибло героев,
Так много костей под горою,
Что весь поседел Кадрийин.
Тут пала священная кровь
Лихих краснозвездных батыров,
И жизнь, цепи рабства откинув,
С тех пор тут воспрянула вновь.
И есть черепа близ долины.
Я видел их. Навзничь и ниц
Лежат они. Гроздья калины
Пылают огнём из глазниц.
И что это — ягоды?
Кровь?
Я долго смотрел изумленно:

Они были словно знамена
Над памятью славных бойцов.

Но нынче иные года,
И жизнь нынче тоже иная.
И даже старик этот знает
Про мир, про моря, города...
«Могучая наша страна,
Нас только задень — будет скверно.
Стреляем мы быстро и верно...»
И сразу смеется жена:
«Хвастун! Ну какой ты стрелок?
Вчера лишь лил слезы рекою,
Ружье, говорил, мол, кривое.
Ох, горе мое, муженек!»
Обиделся Белка-Тийин:
«Молчала бы лучше всегда ты,
Ведь я говорю о солдатах,
Могучих, как Кадрийин».

Домашним уютным дымком
Струится очаг предо мною.
Горячий казан с молоком
Мне светится желтой луною.

Прощайте вы, тропы маральи,
Где ветры сильны и свирепы,
Прощай ты, мой край синескалый,

Гранитная древняя крепость.
Аял, сердце гор, до свиданья,
Родные и добрые люди,
В пути моем трудном и дальнем
Без вас очень грустно мне будет.
Прощайте, ущелья, — веками
Народ тут на стойкость испытан,
Тут в пропасть срываются камни.
Задеты конским копытом.
Река тут играет мне скерцо,
Понятен мне голос ее:

Аял — он по форме как сердце,
Аял — это сердце мое.

ДВЕРИ

I

Вот и снова я вижу знакомую дверь,
Вот я голову молча склоняю на миг —
В эту низкую дверь, в этот старенький дом
С детских лет заходить я без стука привык.

Ну так здравствуй, родная старушка моя!
Вот опять я вернулся в родные края,
Вот опять я за медную ручку берусь,
Будто за руку с другом здороваюсь я.

Я полмира проехал, полсвета прошел,
Но в родное село не вернуться не мог:
Позабыть ли мне где-то? — младенец совсем,
Сколько раз через этот я ползал порог!

Вот стою пред тобою, не мальчик, но муж,
Вот гляжу, как во сне, вот молчу, как немой, —
Мир не тесен, я знаю, но, сердце мое,
Лишь у этого дома мы дома с тобой.

Первый шаг за порог, как мне помнится он!
Я молчал, белизной этих гор поражен,
Мне казалось, над нами, как бубен, звучна,
Трепетала, гудела, качалась луна.

Мне запомнился скрежет обмерзших дверей,
Мама в облаке белом, и звезды за ней,
И морозная пыль оседает у ног,
И белсет под дверью холодный порог.

А отец, он всегда появлялся в дверях
С тихой, грустной улыбкой в усталых глазах.
Пахло сеном и хвоей таежной от рук,
Будто горные кедры оттаяли вдруг...

Мой отец, он на фронт уходил в феврале.
Заровняла следы его выюга в селе,
Будто знала: дорога назад не нужна,
Будто знала: отца не отпустит война.

Только маме моей, сколько долгих ночей
Все казалось ей, кто-то стоит у дверей,
Сапоги обметает, вот-вот постучит.
Мама лампу засветит и в сени спешит...

Так, наверно, бывает во все времена:
Ждет сначала солдата солдатка-жена,
А потом ожидает подросших детей —
Так и помню я маму у этих дверей.

Так и помню глаза: ожидающий взгляд.
Было четверо в доме у мамы ребят —
И у всех по дороге, у всех по судьбе.
Лишь о пятой забыла она — о себе.

Есть ли мягче постель, чем постелит вам мать?
Есть ли ужин вкусней, чем накормит она?

Будто в дальние годы над дальней горой
Белым бубном на небе повисла луна.
И белеют вершины далеких хребтов,
Будто горы луна обвела серебром.
И забытая песня звенит в тишине,
То ли в доме каком, то ли в сердце моем.

Как мне ясны отсюда прошедшие дни,
Будто вновь повторяю дорогу свою,
Будто сердце опять ожидает весну,
Будто первую тайну лелеет мою.

И становится грустно опять, как тогда,
И становится сладко и радостно так,
И опять у меня на коленях худых
Позабытую книжку листает сквозняк.

Вот прозрачная звездочка всходит вдали,
На свиданье зовя, на свиданье маня.
Вот телят своих гонит девчонка домой —
Не глядит, будто вовсе не знает меня!

С ней мы встретимся скоро, и рядом пойдут
Наши легкие тени, лишь выйдет луна.
Но уже разминутся дорогам пора.
И не встречей — прощанием встреча полна.

Эти давние песни, как звонки они,
Как два голоса наши сплетаются вдруг!
Только грустно лицо у подружки моей,
Только все беспокойней пожатие рук.

И однако, однако все так хорошо:
Нам еще по семнадцать, и все впереди!

Эти школьные песни, как звонки они —
Золотой колокольчик трепещет в груди...

3

Двери, двери, вы так высоки и низки!
Двери, двери, вы так далеки и близки!
Пусть любовь без опаски шагнет на порог.
Но, как гром, за врагом ваш тяжелый хлопок.

...Не уснуть мне сегодня. С постели встаю.
За окном все от лунного света бело.
На ладони долины меж дремлющих гор
Золотыми глазами мигает село.

Я курю, я смотрю на родные дома.
Вот он — тот, где любовь я оставил свою.
Ты скажи, ну чего ты нашел, человек,
Столько троп обойдя в чужедальнем краю?

Юность, юность, ты ставишь вопрос напрямик...
Что отвечу тебе я у этих ворот?

Я молчу. Я курю. Я иду на крыльцо,
Как идет обреченный на свой эшафот.

...Двери, двери, вы были открыты любви.
Видно, плохо я жил. Видно, плохо любил.
Вот я сердце кладу на заветный порог.
Только где они нынче, следы твоих ног?

Столько лет миновало... Не тень ли твою
Я ищу, я зову по дорогам земли?
Только годы идут, только годы идут,
Только голос твой глуше и глуше вдали.

В этом городе шумном, где ныне твой дом
(Ты поверь мне, поверь, ты прости мне,
прости!),

Я бывал. Только я постучаться не смог:
Было страшно тебя мне — чужую — найти...

Вот уж звезды погасли, зарделась заря.
«Здравствуй!» — солнце кричит, громоздясь
на утес.

Будто облачко легкое с чистых небес,
Ветер думы мои потихоньку унес.

Лишь у домика старого старый аил
Дымоходом чумазым устало поник,
Будто песни печальные давних времен
Все бормочет старик, вспоминает старик.

Дети в школу спешат. Все глядят на часы,
 Будто вот их в дороге застанет звонок.
 Где он, колокол наш, что гудел над селом,
 Созывая нас утром на первый урок?

Этот колокол старый, как был он тосклив!
 Всю войну по утрам он нам в окна гудел.
 Нам поспать бы чуть-чуть, нам поесть бы
 чуть-чуть.
 Только он нас, голодных, жалеть не умел.

Сочной зеленью карта цвела на стене,
 Океаны синели, желтели пески —
 Сколько было на свете садов и полей,
 Только были, как звезды, они далеки!

К нашей старенькой школе я утром иду —
 Что-то тянет меня постоять у ворот,
 Но из окон знакомых глядит на меня
 Мне совсем незнакомый глазастый народ.

Так же карты по крашеным стенам висят,
 Так же зелены степи и рыжи пески,
 Только весел звонок, только светел урок,
 Только легче сегодня стоять у доски.

Столько света сегодня на нашей земле!
 Так глядите в сто глаз, так трудитесь
 в сто рук!

Не робейте — любая откроется дверь,
Постучите — и люди услышат ваш стук!

Мы — потомки воинственных древних племен,
Нас пожары войны обжигали не раз,
Нас немного на свете. Мы — малый народ.
Но для чести и славы достаточно нас!

5

Двери, двери, как трудно бывает подчас
До порога дойти и молчать возле вас,
И стоять и не сметь прикоснуться рукой.
И не слышать ни звука за тонкой доской!

Мой учитель, чья дума была так светла,
Мы на детские плечи подняли твой гроб.
Мой учитель, как страшно тропинка легла
Меж других до погоста протоптанных троп.

Мой учитель, как тесны вдруг стали они,
Эти двери, куда мы входили не раз!
Мой учитель, как стал он просторен и пуст,
Этот дом, где встречал ты улыбкою нас.

Мой учитель, мы сами закрыли твой гроб,
Мы насыпали холм, положили вепок,
Мы, кепчонки сжимая, теснились вокруг,
Мелкий дождик в траве шелестел возле ног.

Где-то медные трубы вздыхали не в лад.
Кто-то плакал, глаза вытирая платком.
Мы простились с тобой под осенним дождем,
Но в сердцах ты остался весенним лучом.

Что поделаться, мы все перед смертью равны.
Зашумят над землей голубые ветра,
Будут травы цвести на могиле твоей,
Будут парни подруг целовать до утра.

Что поделаться, мы все перед жизнью равны.
И сплетаться рукам, и сливаться губам —
Нет на свете дверей, чтоб на слово любви
Не открыли запоры влюбленным сердцам!

Каждый шаг, как удар. Ну и пусть будет так —
Я немало их видел, дорог и тревог.
Стал мой волос рыжеть, будто спелая рожь, —
Это ветер степной по пути его сжег.

И глаза мои тоже давно не черны
(Про меня ли сказали: как искры в ночи?).
Я их слышу, слова твои, сердце мое.
Пусть услышат их все — ты стучи, ты стучи.

6

Двери друга, как часто я их открывал!
Да в часы испытаний закрыл их мой друг.

Только взгляды, как будто с кинжалом кинжал,
Вдруг скрестились под их неприветливый стук.
Я не ведал — и думать не думал о том,
Что нагнали ему обо мне наперед.
Ну чего я плохого по свету пронес,
Кроме слова любви о тебе, мой народ?

Я был молод, но я у дверей не дрожал.
Я не продал друзей, я не предал друзей,
Только сердце мое те глаза обожгли,
Только стали ему все обиды больней.

Было много радушных друзей у меня.
Было б много, да все молодые года:
Сколько яда приходится в жизни испить
Из-за слова, что выронит хмель иногда.

Возле двери, к которой стремишься душой,
Вдруг застынешь, смущенно замедлив свой шаг:
То завистливый взгляд, то невнятный намек —
И в сегодняшнем друге увидится враг.

Но немало на свете хороших людей,
Но душа становилась светлей и теплей.
Так бывает, что друг оставляет в беде,
Но приходит другой — и шагать веселей.

И огромному миру навстречу опять
Двери настежь откроются в сердце твоём.
Будто ветер пройдет по струнам души,
Будто солнце коснется их светлым лучом.

...Вот и кончились, видно, скитанья мои,
Вот опять я стою у знакомых дверей.
В этом доме качалась моя колыбель,
В этот дом я пришел и взрослей, и мудрей.

И склоняется грустно моя голова:
— Здравствуй, мама моя! — Я пришел. Я устал.
И опять виновато сажусь у окна,
Как малыш, что игрушки свои потерял.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

СТИХИ

Кочевники. <i>Перевел Е. Храмов</i>	19
«В горах Джайлау колыбель моя...» <i>Перевела Е. Стюарт</i>	21
«Так что же дано мне сказать...» <i>Перевел А. Смольников</i>	22
«Когда я говорю: «О мой Алтай!» <i>Перевел А. Смольников</i>	24
Аил. <i>Перевел И. Фоняков</i>	26
Думы у Мавзолея. <i>Перевел И. Фоняков</i>	28
«Песня бесконечной тишины...» <i>Перевел Е. Храмов</i>	30
Нэлли. <i>Перевел А. Смольников</i>	31
«Вот я в горы опять уйду при луне...» <i>Перевел А. Смольников</i>	34
Великое кочевье. <i>Перевел Э. Балашов</i>	36
Коммунист. <i>Перевел И. Фоняков</i>	38
Чолушманка. <i>Перевела Е. Стюарт</i>	39
Колдовское дерево. <i>Перевел И. Фоняков</i>	41
«Труби, труба, зови, труба...» <i>Перевел А. Смольников</i>	42
Мой народ. <i>Перевел Е. Храмов</i>	45
Алтайские девушки. <i>Перевел Е. Храмов</i>	47
Живая вода. <i>Перевел И. Фоняков</i>	49
Родная земля. <i>Перевел И. Фоняков</i>	51
Зменная речка. <i>Перевел А. Смольников</i>	55
Алтайский эскадрон. <i>Перевел Е. Храмов</i>	57
«Завернусь я однажды...» <i>Перевел А. Смольников</i>	59

Матери наши. Перевел Е. Храмов	61
«Отчего на глазах слеза?..» Перевел А. Смольников	63
Художник и революция (баллада). Перевел И. Фоняков	64
Гуси летят. Перевел Е. Балашов	68
Черемуха. Перевел И. Фоняков	69
Ай-эски. Перевел Е. Балашов	71
Думы. Перевел А. Смольников	73
Овидий. Перевел Е. Храмов	75
Будь свободна, Греция! Перевел А. Смольников	77
«Ах, сердце, и что твое пламя...» Перевел А. Смольников	78
«Ты глядишь на меня...» Перевел И. Фоняков	79
«Вновь надо мною крики журавлей...» Перевела Е. Стюарт	81
Бронзовое зеркало. Перевел А. Смольников	83
Поэзия. Перевел И. Фоняков	90
«Вдруг облако...» Перевел Е. Храмов	92
Провода. Перевел И. Фоняков	93
«Мне глаза голубые, как волны Катуня...» Перевел И. Фоняков	94
Байаннор. Перевел А. Смольников	95
«Летят над вершинами тучи...» Перевел Л. Решетников	98
Осень в горах. Перевел А. Смольников	99
Я — алтаец. Перевел А. Смольников	101
Маленький художник. Перевел А. Смольников	103
«Стреляют почки, как хлопущки...» Перевел Л. Решетников	105
Сон. Перевел А. Смольников	106
Без вести пропавший. Перевел И. Фоняков	109
Кедры гибнут. Перевел Е. Храмов	112
Дума на старом плацу. Перевел И. Фоняков	114
«Нет, я не Прометей...» Перевел Е. Храмов	116
Дочке. Перевел И. Фоняков	119
Я — майя. Перевел А. Смольников	121

Мраморные горы. <i>Перевел А. Смольников</i>	123
Как бы я тоску нарисовал. <i>Перевел Е. Храмов</i>	125

ПОЭМЫ

Гоби-Алтай. <i>Перевел Е. Храмов</i>	129
Тийин. <i>Перевел В. Потиевский</i>	139
Двери. <i>Перевел А. Смольников</i>	156

АДАРОВ Аржан Оинчинович

СТИХИ

Редактор *К. Саранча*

Художник *В. Раменский*

Художественный редактор *Б. Луначев*

Технический редактор *М. Сафонова*

Корректоры *А. Дмитриев, Н. Тырышкина*

Сдано в набор 14. III. 1972 г. Подписано к печати 5. VI 1972 г. Формат 70×84/32. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 5,72. Уч.-изд. л. 5,07. Тираж 4000 экз. АГ 01894. Заказ № 828. Цена 61 коп. Алтайское книжное издательство Комитета по печати при Совете Министров РСФСР — Барнаул, пр. Ленина, 76. Типография № 1 Управления по печати Алтайского крайисполкома — Барнаул, ул. Льва Толстого, 29.

61 коп.